

УНИВЕРСИТЕТ ВЪРХНА АНТРОПОЛОГИЧЕСКА ШКОЛА

Друзей медлителен уход ... Памяти Олега Шарова

*Под редакцией
М. М. Казанского и А. В. Мастыковой*

Библиотека

КИШИНЕВ
2022

Каждого смертного
ждет кончина! —
пусть же, кто может,
вживе заслужит
вечную славу!
Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная!

«Беовульф»

902/904(092)(082)

Д 762

Печатается по решению Ученого совета
университета «Высшая антропологическая школа»

Редакция *Stratum plus* выражает благодарность Институту Археологии РАН
за поддержку издания сборника, посвященного памяти О.В. Шарова

Составители и ответственные редакторы:
доктор хабилитат археологии М. М. Казанский
доктор исторических наук А. В. Мастыкова

Редколлегия:
кандидат исторических наук А. В. Энговатова
доктор исторических наук И. Л. Тихонов
доктор истории М. Е. Ткачук
доктор истории Р. А. Рабинович
доктор истории Л. А. Мосионжник
доктор истории Д. А. Топал

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова = The footsteps of my friends leaving ... Ad memoriam Oleg Sharov / Ун-т Высшая антропологическая школа ; сост. и отв. ред.: М. М. Казанский, А. В. Мастыкова. – Кишинэу : Stratum Plus, 2022 (F.E.-P. "Tipografia Centrală") – 346 p. : fig., fot., tab. – (Библиотека "Stratum" = Library "Stratum", ISBN 978-9975-3198-0-5).

Cuprins, rez. paral.: lb. engl., rusă. – Referințe bibliogr. la sfârșitul art. – 100 ex.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF).

902/904(092)(082)

Д 762

Сборник научных работ посвящён памяти Олега Васильевича Шарова — известного археолога, специалиста по древностям римского времени юга Восточной Европы. В книгу включены воспоминания о О.В. Шарове, его неопубликованные работы, а также статьи коллег.

Тематика публикуемых материалов широка, но соответствует научным интересам О.В. Шарова. Это исследования по бронзовому и раннежелезному веку, античности и эпохе Великого переселения народов.

Редакторы выражают надежду, что книга будет интересна читателям, интересующимся древней историей: археологам, историкам, преподавателям вузов и школ, студентам и старшеклассникам.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF)

© М. М. Казанский, А. В. Мастыкова, 2022.

© Университет «Высшая антропологическая школа», "Stratum plus" P. P.

© Обложка: Д. А. Топал, 2022.

Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина

Технический координатор: Ж. Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник

Редактор карт: Л. А. Мосионжник

Корректор: С. Н. Разумов

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

THE FOOTSTEPS OF MY FRIENDS LEAVING ... AD MEMORIAM OLEG SHAROV

*Edited by
Michel Kazanski and Anna Mastykova*

KISHINEV
2022

Памяти
Олега Васильевича Шарова
посвящается

In memory of Oleg Sharov

СОДЕРЖАНИЕ

М. Е. Ткачук (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Мой друг — Олег Шаров	11
А. В. Энговатова (<i>Москва, Россия</i>). О. В. Шаров в Институте археологии РАН	15

ПАМЯТЬ

Г. В. Шарова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Про Олега	19
Е. Ю. Гиря (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Черты к портрету археолога нашего времени	29
И. Л. Тихонов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Полевые сезоны Олега Шарова . . .	35
М. Ю. Афанасьев (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Осененные «Фарном»	45
Фотоальбом	49

НАСЛЕДИЕ

О. В. Шаров (†). Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму . . .	71
О. В. Шаров (†), Д. А. Костромичев (<i>Севастополь, Крым</i>), Н. Ю. Новоселова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Катакомба 23/1891 из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича: исследования 2020 года	87

HOMMAGE

А. В. Энговатова, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова (<i>Москва, Россия</i>), А. А. Канапин, А. А. Самсонова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), М. Б. Медникова (<i>Москва, Россия</i>). Новые данные по фатьяновской культуре: анализ древней ДНК в погребениях Волосово-Даниловского могильника	115
К. В. Чугунов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Парадигма М. Б. Щукина и О. В. Шарова — опыт применения в хронологии комплексов раннескифского времени Тувы	129
Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко (<i>Краснодар, Россия</i>). Меотское погребение с «очковидными» псалиями	143
А. М. Обломский (<i>Москва, Россия</i>). Комплекс поселений позднескифской культуры у с. Стаево в верховьях р. Воронеж во II в. до н.э. — II в. н.э. . . .	153

А. И. Дробушевский (Санкт-Петербург, Россия). Зарубинецкая культура и бастарны	171
П. В. Шувалов (Санкт-Петербург, Россия). Будинского бобра за кельтскую гривну? К вопросу о предыстории пушного промысла и торговли в Восточной Европе	191
В. В. Приймак (Сумы, Украина). Погребения сарматского времени бассейнов верхней Сулы и верхнего Псла (начало I тыс. н. э.)	221
М. М. Казанский (Париж, Франция), А. В. Мастыкова (Москва, Россия). Эстии и германцы в римское время. О соотношении археологических культур и этнонимов письменных источников	235
Я. Е. Беспальчикова (Санкт-Петербург, Россия). Готский шаманизм как исследовательская проблема	247
М. В. Любичев (Харьков, Украина), Э. Шультце (Берлин, Германия). Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш . . .	253
Б. В. Магомедов (Киев, Украина). Гребни черняховской культуры: магическая функция	281
Э. Иштванович (Ньиредьхаза, Венгрия), В. Кульчар (Сегед, Венгрия), А. А. Стоянова (Симферополь, Крым). Фибулы в костюме населения сарматского времени предгорного Крыма и Альфёльда	295
А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Склеп 197 раннего горизонта могильника у с. Лучистое в Юго-Западном Крыму	323
Ж. Пинар Жиль (Градец-Кралове, Чехия). Служебные инсигнии, дипломатические подарки и предметы моды: на некоторых фибулах V века в Адриатико-Альпийском регионе (на англ. яз.).	335
Список сокращений	345

C O N T E N T S

M. E. Tkachuk (*Kishinev, Moldova*). **My Friend Oleg Sharov** 11

A. V. Engovatova (*Moscow, Russian Federation*). **O. V. Sharov in the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences** 15

M E M O R Y

G. V. Sharova (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **About Oleg** 19

E. Yu. Giryа (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **A few details to the portrait of a modern archaeologist** 29

I. L. Tikhonov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Field seasons of Oleg Sharov** 35

M. Yu. Afanasjew (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Overshadowed by “Farn”** 45

Album of Photos 49

H E R I T A G E

O. V. Sharov (†). **Hieratic Complex Taraktash in the Eastern Crimea** 71

O. V. Sharov (†), **D. A. Kostromichyov** (*Sevastopol, Crimea*), **N. Yu. Novoselova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Crypt 23/1891 from the Archaeological Excavations Led by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich: new studies in 2020** . . . 87

H O M M A G E

A. V. Engovatova, Kh. Kh. Mustafin, I. E. Al’borova (*Moscow, Russian Federation*), **A. A. Kanapin, A. A. Samsonova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **M. B. Mednikova** (*Moscow, Russian Federation*). **New Data on the Fatyanovo Culture: Analysis of Ancient DNA in the Burials of the Volosovo-Danilovsky Burial Ground** 115

K. V. Chugunov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Paradigm of M. B. Schukin and O. V. Sharov — the Experience of Using It in the Chronology of Complexes of the Early Scythian Time in Tuva** 129

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko (*Krasnodar, Russian Federation*). **Maeotian Burial with the “Eye-glass”-shaped Cheek-pieces** 143

A. M. Oblomskiy (*Moscow, Russian Federation*). **The Complex of Settlements of the Late Scythian Culture near Village Staevo in the Upper Reaches of the Voronezh River in the 2nd Century BC — 2nd Century AD** 153

A. I. Drobushovski (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Zarubintsy Culture and Bastarnae	171
P. V. Shuvalov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). One Boudini Beaver for a Celtic Grivna? On the Question of the Prehistory of Commercial Hunting and Fur Trade in Eastern Europe	191
V. V. Priymak (<i>Sumy, Ukraine</i>). Burials of the Sarmatian Time of the Upper Sula and Upper Psel Basins (Beginning of the 1st Millennium AD)	221
M. M. Kazanski (<i>Paris, France</i>), A. V. Mastykova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Aestii and Germans in Roman Period. On the Relationship of Archaeological Cultures and Ethnonyms from Written Sources	235
Ya. E. Bespalchikova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Gothic Shamanism as a Scholarly Issue	247
M. V. Lyubichev (<i>Kharkiv, Ukraine</i>), E. Schultze (<i>Berlin, Germany</i>). Multiple Burials in the Cemeteries of the Chernyakhov-Sântana de Mureş Culture . .	253
B. V. Magomedov (<i>Kyiv, Ukraine</i>). Combs of the Chernyakhov Culture: Magical Function	281
E. Istvánovits (<i>Nyíregyháza, Hungary</i>), V Kulcsár (<i>Szeged, Hungary</i>), A. A. Stoianova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Brooches in the Costume of the Sarmatian Age Population in the Crimean Piedmont and the Great Hungarian Plain . .	295
A. I. Aibabin , E. A. Khairedinova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Vault 197 beyond the Horizon of the Cemetery near the Village Luchistoe in the Southwest of the Crimea	323
J. Pinar Gil (<i>Hradec Králové, Czech Republic</i>). Office insignia, diplomatic gifts and fashion items: on some 5th century brooches in the Adriatic-Alpine area . .	335
Abbreviations	345

А. И. Дробушевский

Зарубинецкая культура и бастарны

Keywords: Zarubintsy culture, Bastarnae, ancient Germans, Poenești-Lukashevka culture, Jastorf culture, pre-Roman Iron Age, La Tène period, migration

Ключевые слова: зарубинецкая культура, бастарны, германцы, культура Поенешти-Лукашевка, культура Ясторф, предримский период, латенский период, миграция

A. I. Drobushevski

Zarubintsy Culture and Bastarnae

This article provides a critical analysis of the hypothesis of the Bastarnae (Germanic) affiliation of the Zarubintsy culture.

The analysis of archaeological and written sources does not confirm that the sites of the Poenești-Lukashevka type belong to the fourth group of the Zarubintsy culture or the existence of a “Zarubintsy–Poenești cultural community” (ZPO). Strabo’s “Geography” does not provide grounds for localizing Bastarnae in the Zarubintsy culture range. There is no archaeological data to suggest that the Zarubintsy culture could have encountered the spear-shaped (Zarubintsy type) fibulae exclusively as a result of the Bastarnae trips of 179—168 BC. What is more likely, these fibulae were borrowed from the later Scythians of the left bank of the Lower Dnieper (Glinoe), who were subjected to Celtic influence.

“Jastorf” elements in the Zarubintsy culture are present to a much lesser extent than in other laténised communities (Przeworsk, Oksywe and Poenești-Lukashevka cultures). The absence of a reliably Jastorf component in the early Zarubintsy assemblages excludes the direct participation of the ancient Germanic (Jastorf) population in the formation of Zarubintsy traditions.

The Zarubintsy culture belongs to the circle of laténised cultures of the pre-Roman period and is an independent and original phenomenon on the ethno-cultural map of Eastern Europe.

А. И. Дробушевский

Зарубинецкая культура и бастарны

В данной статье производится критический анализ гипотезы о бастарнской (германской) принадлежности зарубинецкой культуры.

Анализ археологических и письменных источников не подтверждает принадлежность памятников типа Поенешти–Лукашевка четвертой группе зарубинецкой культуры или существование «зарубинецко-поенештской культурной общности» (ЗПО). «География» Страбона не дает оснований для локализации бастарнов в ареале зарубинецкой культуры. Нет археологических данных о том, что носители зарубинецкой культуры могли познакомиться с копьевидными (зарубинецкими) фибулами исключительно в результате бастарнских походов 179—168 гг. до н.э. Более вероятно заимствование этих фибул зарубинцами у поздних скифов левобережья Нижнего Поднестровья (Глиное), подвергшихся кельтскому влиянию.

«Ясторфские» элементы в зарубинецкой культуре присутствуют в значительно меньшей степени, чем в других латенизированных общностях (пшеворской, оксывской и Поенешти–Лукашевка). Отсутствие достоверно ясторфского компонента в ранних зарубинецких комплексах исключает непосредственное участие древнегерманского (ясторфского) населения в формировании зарубинецких традиций.

Зарубинецкая культура относится к кругу латенизированных культур предримского времени и представляет собой самостоятельное и самобытное явление на этнокультурной карте Восточной Европы.

*„Deshalb kann auch nicht jeder mit einem Haarknoten oder Hosen Dargestellte zwangsläufig als Germane gelten“
(Brather 2004: 138)*

Введение

Памятники зарубинецкой культуры (рис. 1) на протяжении уже более ста лет занимают особое место в решении проблемы этногенеза славян. Тем не менее, на вопросы, связанные с происхождением и этнической принадлежностью носителей этой культуры, до сих пор не получены однозначные ответы. Зарубинецкое население исследователи относили к балтам, балто-славянам, особому народу или указывали на их полиэтничность.

Особую популярность в 80—90-е гг. прошлого столетия приобрела гипотеза о бастарнской (германской) принадлежности носителей зарубинецкой культуры. В наше время наметилась тенденция считать германство зарубинцев чуть ли не доказанным, а «взгляды на зарубинецкую культуру, как на автохтонную и славянскую, в научном сообществе в настоящее время считаются устаревшими» (Воронятов 2020: 275). Последнее утверждение является по меньшей мере преждевременным. В каком-то смысле отражением взглядов научного сообщества можно считать академические энциклопедические издания, а не мнения отдельных авторов. В современных исследованиях признается существенная или решающая роль зарубинецкой культуры в формировании именно раннеславянских культур (Обломский 2008: 277; НРЭ 2009: 430).

Собственно, археологическая атрибуция, локализация, этнос, время и пути проникновения самих бастарнов в Нижнее Подунавье, а также их дальнейшая судьба до сих пор являются предметом оживленных дискуссий (Pogucznik 2014: 57—76). Историография бастарнской проблематики обширна и этот древний народ, вопреки мнению М. Б. Щукина, отнюдь не является «забытым» (Щукин 1999: 75—90). Точка зрения о германстве (*Germanentum*) бастарнов не стала общепринятой в современном научном сообществе, причем даже среди германоязычных исследователей (Künnemann 1998: 496—499). Все эти проблемы, несомненно, требуют специального изучения.

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с возможностью отождествления носителей зарубинецкой культуры с бастарнами. Необходимо отметить, что и сама гипотеза о принадлежности зарубинецкого общества древним германцам никогда не была предметом подробного критического анализа.

Историография

Действительно, практически с момента открытия В. В. Хвойко в 1899 г. могильника у с. Зарубинцы бывшего Каневского уезда Киевской губернии была высказана мысль о принадлежности этого памятника древним германцам. Приведем слова известного русского археолога А. А. Спицына: «Едва ли возможно колебаться в решении другого вопроса: откуда именно на Днепр и Днестр явилась латенская культура? Все имеющиеся данные говорят за Вислу или среднюю Германию. ... Так как Латен не имеет никаких корней в южно-русских древностях, совершенно отличных от него и более богатых, то ясно, что он занесен в данную местность населением, пришедшим откуда-то с культурой средней Европы. Таким племенем естественнее всего признавать бастарнов...» (Спицын 1904: 85).

Ознакомившись с публикацией Викентия Вячеславовича Хвойко известный немецкий археолог П. Рейнеке отметил большую близость кружек с ручками, чернолощенных горшков и мисок, а также посоховидных булавок из Зарубинецкого могильника с подобными вещами из могильников в низовьях Вислы. На основании этого, он сделал вывод о том, что из Нижнего Повисленья в Северное Причерноморье продвигалось восточногерманское население, свидетельством чего и являются материалы Зарубинецкого могильника. Впрочем, сам П. Рейнеке отметил, что из-за ограниченности материала, пока преждевременно делать какие-либо окончательные выводы (Reinecke 1906: 42—50).

Создатель «*Siedlungsarchäologie*» Г. Коссинна, также считал поле погребений у с. Зарубинцы чисто германским памятником. Об этом свидетельствовали, по его мнению, также находки короновидных шарнирных шейных гривен на территории Украины (Kossinna 1932: 50; Kossinna 1934: 163—164).

Другой немецкий археолог К. Такенберг объявил зарубинецкую культуру принадлежащей западногерманскому племени скиров, переселившемуся из нижнего Одера в Среднее Приднепровье. В отличие от П. Рейнеке, К. Такенберг считал большую часть вещей, обнаруженных в Зарубинцах, непригодными для этнических определений. Этническим определителем, по К. Такенбергу, являются лощеные горшки, украшенные по корпусу налепными шишечками или подковками,

Рис. 1. Карта памятников зарубинецкой культуры (а, I–VI). I — полесский вариант; II — верхнеднепровский; III — среднеднепровский; IV — памятники типа Харьевки; V — южнобугский (?); VI — зарубинецкие памятники на территории Польши (?). (b — памятники культуры Поенешти–Лукашевка; c — латенские памятники; d — находки гривен-корон (Kronenhalsringe); e — памятники с ясторфскими материалами; f — Глиное; g — Мутин. 1 — Зарубинцы; 2 — Корчеватое; 3 — Пирогов; 4 — Вишенки; 5 — Чаплин; 6 — Горошков; 7 — Велемичи I и II; 8 — Отвержики; 9 — Высокий Груд; 10 — Литвиновичи-3; 11 — Мутин; 12 — Глиное.

Fig. 1. Map the sites of the Zarubintsy culture (a, I–VI). I — version of the Polesye; II — version of the Upper Dnieper; III — version of the Middle Dnieper; IV — sites of Kharyevka type; V — version of the South Bug (?); VI — Zarubintsy sites in territory of Poland (?). (b — sites of the Poeneshti-Lukashevka culture; c — sites of the Latène culture; d — finds of crown-shaped torque (Kronenhalsringe); e — sites with materials of the Jastorf culture; f — Glinoe; g — Mutin. 1 — Zarubintcy; 2 — Korchevatoye; 3 — Pirogov; 4 — Vishenki; 5 — Chaplin; 6 — Goroshkov; 7 — Velemichi I and II; 8 — Oтверzhichi; 9 — Vysokii Grud; 10 — Litvinovichi-3; 11 — Mutin; 12 — Glinoe.

а также бронзовые булавки, аналогии которым есть в комплексах латенского времени территории Нижнего Поодерья, на которой в это время жили скиры (Tackenberg 1929: 232–244; Tackenberg 1930: 283). Со скирами позднее связал зарубинецкую культуру также Е. Петерсен (Petersen 1940: 925).

С приходом в Германии к власти нацистов гипотеза о германской принадлежности зарубинецких памятников приобрела уже идеологическую окраску и в определенной степени служила для обоснования «истори-

ческих прав» Третьего Рейха на восточно-славянские земли. Особую актуальность это приобрело в годы Великой Отечественной войны. На оккупированной территории немецкий археолог Р. Штампусс вместе с И. М. Самойловским продолжил раскопки зарубинецкого могильника Корчеватое под Киевом, начатые еще довоенные годы (Андреев 2012: 123). В своей статье «Германцы в Украине», вышедшей в 1942 г. Р. Штампусс рассуждает о наличии в Корчеватовском могильнике западногерман-

ских элементов как бастарнов, так и скиров (Stampfus 1942: 283).

Справедливости ради, следует отметить, что вплоть до второй половины прошлого века зарубинецкая культура в Восточной Европе выглядела как изолированное явление между лесостепными скифами и обитателями лесных городищ. Ни одно из зарубинецких поселений не подвергалось систематическим археологическим раскопкам. Совершенно неясна была дальнейшая судьба этого населения. Поэтому ограниченность источниковедческой базы позволяла строить самые различные гипотезы относительно их этноса, в том числе и древнегерманского.

После окончания Второй Мировой войны гипотеза о германской принадлежности зарубинецких племен утратила свою актуальность даже среди немецких археологов (Пачкова 1990: 12—30). В связи с начавшимися в 50—60-е гг. XX в. широкомасштабными раскопками зарубинецких памятников на территории СССР и значительным расширением источниковедческой базы, советские археологи этой проблемы касались лишь вскользь и не уделяли ей должного внимания.

Как это ни парадоксально, возрождение гипотезы о бастарнской (германской) принадлежности зарубинецкой культуры началось именно в Советском Союзе.

В 1949 г. Р. Вулпе начал раскопки могильника Поенешти на территории Румынии, который он отнес к германскому племени бастарнов (Vulpe 1953: 213—506; Vulpe 1955: 103—119). В связи с этим встал вопрос об этнической принадлежности аналогичных памятников на территории Молдавской ССР (могильник и поселение Лукашевка. В 1953—1954 гг. советский археолог Г.Б. Федоров исследовал Лукашевский могильник на территории Молдавской ССР (Федоров 1957: 51—62) и отметил, что «на территории СССР ближайшие аналогии могильникам лукашевского типа находятся среди могильников зарубинецко-корчеватовского типа в Среднем и Верхнем Поднепровье» (Федоров 1960: 16, 27).

В 1966 г. Д.А. Мачинский включил памятники типа Поенешти-Лукашевка в четвертую (пруто-днестровскую) группу зарубинецкой культуры (Мачинский 1966а: 3—8)¹.

¹ В научной русскоязычной литературе памятники культуры (типа) Поенешти-Лукашевка (рум. Poienеști-Lucașeuca) имеют различное написание: «Поенешть-Лукашевка», «Поенешты-Лукашевка», «Поянешти-Лукашевка», «Поянешты-Лукашевка» и т. д.

Таким образом, Д.А. Мачинский, выделяя четвертую группу, как-бы возводил связующий мостик между бастарнами (германцами, по Р. Вулпе) и зарубинецкой культурой. Правда, в эти же годы Д.А. Мачинский отмечал, «что в лице бастарнов мы сталкиваемся с неизвестной пока этнической общностью, язык которой, возможно, не сохранился до наших дней», а памятники типа Поенешти-Лукашевка не включает в четвертую группу зарубинецкой культуры, называя их «культура Поянешты-Лукашевка» (Мачинский 1966б: 82—96). Лишь по последующим публикациям становится очевидным, что исследователь по-прежнему придерживается взгляда о существовании четвертой (Поенешти) группы, входящей в состав «зарубинецкой культурной общности» (Мачинский 2012: 25—41), и прямо связывает бастарнов с германцами (Мачинский 2009: 473, 475).

Вторым важным аргументом, по Д.А. Мачинскому, является «точная этнокарта» Страбона, которая, по его мнению, позволяет локализовать бастарнов в ареале зарубинецкой культуры (Мачинский 1973: 53, прим. 10; 1974: 123—129; 1976: 93; 2012: 36—37, 41).

В 70—80-е гг. прошлого столетия К.В. Каспарова выдвинула гипотезу, что проникновение в среду зарубинецкого населения фибул среднелатенской схемы с треугольным щитком связано с балканскими походами бастарнов в 179—168 гг. до н. э. (Каспарова 1977: 76; 1981: 76—77). Данная гипотеза, хотя и косвенно, в дальнейшем послужила третьим аргументом в пользу бастарнской (германской) принадлежности зарубинецких племен.

В 80—90-е годы XX века В.Е. Еременко привел четвертый аргумент в пользу германства носителей зарубинецкой культуры. По утверждению исследователя, между местными древностями (милоградской, поморской и скифской культурами) и зарубинецкой культурой существует хронологический разрыв (хиатус) протяженностью примерно в столет. Следовательно, последняя была привнесена в Поднепровье извне. В поисках «исходного пункта» процесса латенизации он приходит к выводу, что именно проникновение латенских импортов на юго-восточную окраину ясторфской культуры и складывание там переходной латенско-ясторфской подмокульской группы создало предпосылки для широкого распространения процесса латенизации, который резко активизировался с началом передвижения восточоясторфского населения, приведших в LT C1b (225—190 гг. до н. э.) к сложению латенизированных культур (Ере-

менко 1997: 5, 87, 171, 189). И далее более категорично: «Ясторфская подоснова зарубинецкой культуры ... и их принадлежность бастарнам больше не вызывает принципиальных возражений» (Еременко 2000: 14).

Указанные выше взгляды Д. А. Мачинского, К. В. Каспаровой и В. Е. Еременко, в целом, активно поддержал и развивал в своих работах М. Б. Щукин (Shchukin 1989: 27, 69, 74—75; Щукин 1993: 89—95; 1994: 117, 119, 152—153, 197, 209, 227—228; 1997: 115, 119; 1999: 75—90; 2005: 60—61).

Таким образом, обоснование бастарнской (германской) принадлежности носителей зарубинецкой культуры строится на следующих четырех аргументах:

I. Памятники типа Поенешти-Лукашевка (бастарны) являются четвертой группой зарубинецкой культуры (по Д. А. Мачинскому) или зарубинецко-поенештской культурной общностью (ЗПО, по М. Б. Щукину);

II. «Точная этнокарта» Страбона, позволяет локализовать бастарнов в ареале зарубинецкой культуры (по Д. А. Мачинскому);

III. Проникновение фибул среднелатенской схемы с треугольным щитком в зарубинецкую среду связано с балканскими походами бастарнов в 179—168 гг. до н. э. (по К. В. Каспаровой);

IV. Ясторфский путь латенизации зарубинецкой культуры (по В. Е. Еременко).

Рассмотрим каждый из указанных аргументов в отдельности.

I. Четвертая группа зарубинецкой культуры или ЗПО

Еще в конце 50 — начале 60-х гг. XX века Г. Б. Федоров, изучая памятники типа Лукашевки на территории Молдавской ССР, отметил, что керамике лукашевской группы типологически близка керамика зарубинецкого облика. На территории СССР, по мнению исследователя, ближайшие аналогии могильникам лукашевского типа находятся среди могильников зарубинецко-корчеватовского типа в Среднем и Верхнем Поднепровье (Федоров 1960: 16, 27).

Зарубинецкие материалы сравнивал и сближал с лукашевскими также К. Такенберг (Tackenberg 1963: 422).

Позднее, в 1966 году, Д. А. Мачинский включил памятники типа Поенешти-Лукашевка в четвертую (пруто-днестровскую) группу зарубинецкой культуры (Мачинский 1966а: 3—8). Основанием для этого, по его

мнению, являются девять общих черт, объединяющих эти памятники:

1) памятники зарубинецкой культуры являются одновременно;

2) в могильниках наблюдаются сходные этапы развития;

3) для всех групп характерны бескурганые могильники, где господствующим обрядом погребения является трупосожжение, при этом в большинстве случаев пережженные кости очищаются от остатков погребального костра;

4) поселения небольших размеров;

5) имущественное и социальное расслоение для первых двух этапов не прослеживается, инвентарь погребений беден, импортные изделия, за исключением бус, в погребениях отсутствуют;

6) характерной деталью одежды являются фибулы;

7) для всех групп на раннем этапе характерно сочетание «хроповатой», бугристой и лощеной керамики, причем на могильниках преобладают лощеные, а на поселениях — грубые сосуды;

8) среди грубой керамики общей для всех групп формой является большой горшок, украшенный на плечиках орнаментированным валиком, отделяющим верхнюю, обычно заглаженную, часть сосуда от нижней, обычно «хроповатой»;

9) в погребениях не обнаружено оружия, лишь изредка встречаются копыя, мечи отсутствуют (Мачинский 1966а: 4).

Из приведенного выше перечня очевидно, что объединяющие памятники типа Поенешти-Лукашевка с зарубинецкой культурой черты носят слишком общий характер.

Гипотеза Д. А. Мачинского о четвертой группе зарубинецкой культуре практически сразу подверглась критике. М. А. Романовская указала, что культура Поенешти-Лукашевка не является локальным вариантом зарубинецкой, поскольку они не связаны общими корнями происхождения, отличаются друг от друга деталями обряда трупосожжения, принципами домостроительства, формами и орнаментацией глиняной посуды (Романовская 1968: 11—12).

К. Годловский отметил, что взгляды, объединяющие зарубинецкую группу и культуру Поенешти-Лукашевка в один круг, лишены убедительного обоснования. Несмотря на влияние Латена и наличие межрегиональных элементов, характерных для всей территории, охваченной процессом «латенизации», зарубинецкая культура явно отли-

чается от синхронных «латенизированных» культур Центральной и Северной Европы, и поэтому следует предположить, что местные традиции сыграли решающую роль в ее создании, хотя приток некоторых групп населения, особенно родственных к поморской культуре, нельзя исключать (Godłowski 1977: 205).

Все исследователи, непосредственно занимающиеся полевыми исследованиями зарубинецких древностей, не включали памятники типа Поенешти-Лукашевка в состав зарубинецкой культуры (Кухаренко 1964: 8—9, рис. 1; Третьяков 1966: 212—213, рис. 58; Поболь 1971: 177—178; Максимов 1972: 61; 1982: 7—10; Каспарова 1981: рис. 5; Пачкова 2006: 8, рис. 1).

Подробно остановился на вопросе соотношения культур Поенешти-Лукашевка и зарубинецкой известный румынский археолог М. Бабеш, который, в конечном итоге указал, что можно говорить, без сомнения, о культуре Поенешти-Лукашевка и отказаться от прикладного в более ранних работах понятия культурная группа. Глубоко идущее сравнение с зарубинецкой культурой, по мнению исследователя, доказывает значительные отличия, которые объясняются по существу различным происхождением обеих культур (Babeş 1993: 122, 162).

Сравнительный анализ основных категорий материальной культуры зарубинецкой и поенешти-лукашевской культур произвела С. П. Пачкова, на основе которого она включила поенешти-лукашевскую культуру в одну общность именно с культурами ясторфского круга, а не с зарубинецкой. В связи с этим, по ее мнению, и этносы зарубинецкой и поенешти-лукашевской культур, вероятнее всего, были неоднородны и различны (Пачкова 2006: 343—344).

В конечном итоге, М. Б. Щукин вынужден был признать, что идею Д. А. Мачинского о единстве поенешти-лукашевской и зарубинецкой культур поддерживает лишь только он один (Щукин 1999: 94).

Таким образом, принадлежность памятников типа Поенешти-Лукашевка зарубинецкой культуре или существование некой «зарубинецко-поенештской культурной общности» (ЗПО, по М. Б. Щукину) не подтвердилось.

В новейшей историографии по культуре Поенешти-Лукашевка тема о ее принадлежности к четвертой группе или ЗПО даже не рассматривается (Munteanu 2013: 37—52; Munteanu, Iarmulschi 2019: 217—241).

II. «Точная этнокарта» Страбона и зарубинецкая культура

Как отмечалось выше, по мнению Д. А. Мачинского, «точная этнокарта» Страбона позволяет локализовать бастарнов в ареале зарубинецкой культуры. Собственно, с бастарнами Д. А. Мачинский связывает не всю зарубинецкую культуру, а лишь по Южному Бугу и в южной части Среднего Приднепровья по Тясьмину (Мачинский 1973: 53, прим. 10; Мачинский 1976: 83). Если в ранних публикациях Д. А. Мачинский не считал бастарнов германцами, то в более поздних работах бастарны уже не неизвестная этническая общность, а конкретно германцы, которым приписываются зарубинецкие памятники Припятского Полесья и Среднего Поднепровья (Мачинский 2012: 36, 37, 41).

М. Б. Щукин также считает, что наиболее точную локализацию бастарнов дает Страбон, полностью присоединяясь к взглядам Д. А. Мачинского относительно их идентификации с полесским и среднеднепровским зарубинецким населением (Shchukin 1989: 75; Щукин 1993: 89—95). Более осторожную позицию в этом вопросе заняла К. В. Каспарова, по мнению которой, бастарны составляли разноэтничный союз племен (Каспарова 1981: 76—77). В целом, к этим взглядам присоединился и В. Е. Еременко, добавляя применительно к верхнеднепровскому варианту зарубинецкой культуры еще кимвров и тевтонов (Еременко 1997: 165, 171, 194).

Однако, необходимо отметить, что выше названные авторы не анализировали весь комплекс сведений Страбона о бастарнах, что и привело, на мой взгляд, к искаженным результатам.

В «Географии» Страбона бастарны упомянуты 11 раз (Страбон 1964: 96, 119, 265, 269—271, 279—280). Сначала Страбон утверждает, что его предшественники совершенно не знали страны бастарнов (Strab. II. I. 41 = Страбон 1964: 96). Далее он сетует, что и современные ему авторы могли бы лучше рассказать о бастарнах (Strab. II. V. 12 = Страбон 1964: 119). Из всего этого следует, что сведения о бастарнах у Страбона носят чисто компиляционный характер. Как честно признается он сам: «Действительно, я не знаю ни бастарнов, ни савроматов, ни вообще народностей, обитающих над Понтом» (Strab. II. 4 = Страбон 1964: 269—270).

Относительно германской принадлежности бастарнов Страбон явно ненадежный источник. В двух случаях он отделяет бастарнов

от германцев (Strab. II.V.12; II.V.30 = Страбон 1964: 119, 128), а в одном — размещает их за Германией, специально отмечая, что так думает большинство (Strab. VII.II.4 = Страбон 1964: 269).

Единственный отрывок, который позволил ряду исследователей причислить бастарнов к германцам у Страбона выглядит следующим образом: «В глубине страны обитают бастарны, граничащие с тирегетами и германцами, бастарны также, быть может, германская народность и делятся на несколько племен. Действительно, одни из них называются атмонами, другие — сидонами; те что владеют Певкой, островом на Истре, носят название певкинов, а самые северные, обитающие на равнинах между Танаисом и Борисфеном, — роксоланов» (Strab. VII. III.17 = Страбон 1964: 280). Странность этого отрывка заключается в том, что в нем бастарны с одной стороны граничат с германцами, с другой — возможно сами являются германцами, и, наконец, в состав бастарнов включены несомненно ираноязычные роксоланы. Здесь Страбоном явно сведены в один отрывок данные из разных источников, из-за чего и произошла путаница. Кто такие бастарны, как отмечалось выше, Страбон не знает. Он лишь сообщает, что бастарны смешаны с фракийцами (Strab. VII. III.2 = Страбон 1964: 271). Собственно говоря, бастарны по Страбону, вопреки М. Б. Щукину, не являются народом между кельтами и германцами (Щукин 1993: 91—92).

Кроме германцев, у Страбона, рядом с бастарнами обычно указываются тирегеты (Strab. II.V.12; II.V.30; VII.I.1 = Страбон 1964: 128, 265). Характерно, что относительно Днепра (Борисфена) тирегеты указаны восточнее бастарнов (Strab. VII.I.1 = Страбон 1964: 265). В «Географии» бастарны всегда размещаются на левобережье нижнего Дуная (Истра) (Strab. VII.I.1; VII. III.13 = Страбон 1964: 265, 279). По Страбону, они наряду со скифами и савроматами переправлялись на противоположный берег Дуная и вторгались в земли фракийского племени трибаллов (Strab. VII. III.13 = Страбон 1964: 279).

Утверждение Д. А. Мачинского, что по общению Страбона бастарны населяли земли к северу от кочевников-сарматов (Мачинский 1976: 93), так же не соответствует действительности. На самом деле, кто жил севернее скифов и сарматов в Нижнем Поднепровье, ему не известно (Strab. VII.II.4 = Страбон 1964: 269—270). Он лишь отмечает, что Борисфен судоходен на 600 стадий (Strab.

VII. III.17 = Страбон 1964: 280), т.е. земли, расположенные чуть более 100 км вверх по течению от устья реки, ему неизвестны. Страбон ни разу не упоминает бастарнов не только в Поднепровье, но также на Южном Буге и в Поднестровье. О городе, находящемся примерно в 50 км от устья Днестра, античному географу известно лишь со слов прибрежных жителей (Strab. VII. III.16 = Страбон 1964: 280). Ничего ему не известно также и о существовании Карпатских гор.

Таким образом, ссылки Д. А. Мачинского, М. Б. Щукина и В. Е. Еременко на «Географию» Страбона для обоснования локализации бастарнов в ареале зарубинецкой культуры явно вводят читателя в заблуждение. Другие античные авторы, даже в предположительной форме, также не дают никаких оснований локализовать бастарнов в Поднепровье.

III. Фибулы среднелатенской схемы с треугольным щитком и балканские походы бастарнов

Эти фибулы («зарубинецкого типа») принято считать этнографической особенностью зарубинецкой культуры. Исследователи уже давно отмечали сходство фибул среднелатенской схемы с треугольным щитком зарубинецкой культуры с копьевидными на территории бывшей Югославии (Reinecke 1906: 42—43; Амброз 1959: 186—189; Амброз 1966: 6, 14—19; Woźniak 1974: 160).

К. В. Каспарова впервые картографировала почти все известные ей пункты находок этих фибул на территории Европы и увязала их появление в зарубинецкой культуре с походами бастарнов в 179—168 гг. до н.э. на Балканском полуострове. Время появления фибул «зарубинецкого типа» К. В. Каспарова отнесла к концу фазы LTC1 — началу LTC2, что в абсолютной хронологии, по ее мнению, происходило в 170—150-е годы до н.э. (Каспарова 1977: 76; Каспарова 1981: 76; Каспарова 1984: 109).

Последняя гипотеза хоть и не доказывала принадлежность носителей зарубинецкой культуры бастарнам, но служила косвенным аргументом в пользу их вхождения в бастарнский военно-политический союз (Мачинский 2012: 37, 40—42; Shchukin 1989: 69; Щукин 1993: 90—91; 1994: 117—119; 1997: 115; 1999: 80; 2005: 60—61; Еременко 1997: 26—27, 121—123, 174—175; Еременко, Щукин 1998: 77). Сама же К. В. Каспарова, как отмечалось выше, считала бастарнов разнотническим союзом племен (Каспарова 1981: 77).

В целом, гипотезу К.В. Каспаровой о появлении фибул среднелатенской схемы с треугольным щитком в зарубинецкой культуре в результате юго-западных влияний также поддержали Т. Домбровская, К. Годловский и С.П. Пачкова (Dąbrowska 1980: 323—328; Godłowski 1977: 206; Пачкова 2006: 7, 20, 111, 224, 347).

Однако, не все исследователи приняли гипотезу К.В. Каспаровой относительно времени и причин проникновения рассматриваемых фибул в зарубинецкую культуру.

Так, например, А.М. Обломский отметил, что ранние находки копьевидных фибул Югославии не позволяют датировать их появление точнее, чем II в. до н.э. в целом, т.е. так же, как и зарубинецких фибул с треугольным щитком (Обломский 1986: 55).

По мнению сербского археолога П. Поповича, на территории кельтов-скордисков в Подунавье копьевидные фибулы среднелатенской схемы датируются I в. до н.э., что ставит под сомнение хронологические тезисы К.В. Каспаровой (Роровић 1994: 66—67).

Обычно более поздним временем, чем в зарубинецкой культуре, датируются фибулы среднелатенской схемы с треугольным щитком из Северного Причерноморья, что неоднократно отмечалось в литературе (Еременко 1997: 123, 174; Кропотов 2010: 57—58; Hellström 2018: 148—149).

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация. В зарубинецкой культуре фибулы среднелатенской схемы с треугольным щитком датируются более ранним временем, чем на собственно кельтских памятниках.

Для латенизированных культур германского круга предримского времени (ясторфская, оксывская, пшеворская и Поенешти-Лукашевка) фибулы «зарубинецкого типа» не характерны. Так, например, единственную находку из поселения Лукашевка II М. Бабеш считает импортом из зарубинецкой культуры (Babeş 1993: 95).

В 90-е гг. XX века в европейской литературе переход от фазы LTC1 к LTC2 стали определять 220—180 гг. до н.э., на что обратил внимание В.Е. Еременко (Еременко 1997: 27). Последнее обстоятельство ставит под сомнение непосредственную связь появления фибул среднелатенской схемы с треугольным щитком именно с походами бастарнов в 179—168 гг. до н.э. на Балканском полуострове.

С этими наблюдениями согласуется анализ материалов, полученных при исследованиях скифского могильника у с. Глиное в левобережье Нижнего Днестра. Здесь по-

явление копьевидных фибул относится к последней четверти III в. до н.э.

Об этом однозначно, по мнению исследователей, свидетельствует погребение 66/1, поскольку в состав погребального инвентаря первичного (мужского) захоронения с «копьевидной» фибулой входила клеймёная синопская амфора с клеймом астинома Θηρίκλῆς τοῦ Ἀπολλωνίου, время производства которой определяется началом последней четверти III в. до н.э. Также в последней четверти III в. до н.э. было совершено погребение 106/1, где, вместе с бронзовой фибулой раннелатенской схемы с плоской спинкой (второй половины III в. до н.э.), была найдена железная, «копьевидная» (Тельнов и др. 2016: 959).

Учитывая, что левобережное Приднестровье находится значительно ближе к зарубинецкому ареалу, чем территория бывшей Югославии, логичней предположить заимствование этих фибул зарубинцами у скифов, подвергшихся кельтскому влиянию.

Никаких археологических аргументов, что носители зарубинецкой культуры могли познакомиться с копьевидными фибулами исключительно в результате бастарнских походов 179—168 гг. до н.э. — нет.

IV. Ясторфский путь латенизации зарубинецкой культуры

За более чем столетний период изучения зарубинецких древностей сложилось три основных направления, в рамках которых рассматриваются зарубинецко-ясторфские связи.

Представители первого направления отрицают участие культуры Ясторф как в формировании, так и развитии зарубинецких традиций (Кухаренко 1964; Третьяков 1966; Максимов 1972; Поболь 1971; Godłowski 1977; Обломский 1983; Скиба 2001, Дробушевский 2016). Большинство сторонников этой точки зрения связывают зарубинцев с древними славянами.

Второе направление, напротив, представляют авторы, которые считают носителей зарубинецкой культуры пришлым древнегерманским населением. Главная роль в процессе ее сложения и латенизации отводится именно ясторфским племенам (Kossinna 1914: 147—157; Tackenberg 1929: 232—244; Еременко 1997: 103, 119—120, 189).

И, наконец, представители третьего направления признают существование ясторфских элементов в зарубинецкой культуре, но в формировании последней отводят им

второстепенную роль одного из компонентов (Каспарова 1969: 131—168; Каспарова 1981: 57—79; Максимов 1982: 80—81, 158, 163; Максимов 2000: С. 53—65; Niewęłowski 1986: 203—216; Babeş 1993: 162; Шукин 1994: 228; Пачкова 2006: 6—7, 224, 339, 347).

Еще в конце 60-х годов прошлого века К.В. Каспарова указала (наряду с кельто-иллирийскими) ясторфские параллели поясного крючку из погребения 31 могильника Отвержичи. Ясторфские аналогии, по ее мнению, имеют поясные крючки (скрепы) из погребений 125 и 236 могильника Чаплин в Гомельском Поднепровье и погребений 45 и 75 могильника Велемичи II в Белорусском Полесье, а также фибула среднелатенской схемы с шариками (Kugelfibel) и лепной горшок с иксовидной ручкой из погребения 108 могильника Велемичи I. Среди лепной зарубинецкой посуды, с точки зрения исследовательницы, типичны для ясторфского круга несколько горшков с двумя-четырьмя ручками-ушками и сосуды «трехчастной» формы. В ясторфских материалах встречаются округлобокие горшки с почти прямой шейкой, близкие найденным в полесских зарубинецких могильниках. Миски с загнутым внутрь краем венчика, в небольшом количестве представленные во всех группах зарубинецких памятников, по К.В. Каспаровой, также находят аналогии в древностях ясторфского круга. Однако, учитывая, что параллели этим формам мисок есть в поморско-подклешевой культуре, среди кельтской керамики, на нижнеднепровских городищах и в Крыму в слоях рубежа эр, исследовательница не настаивала на их северо-западном происхождении. Наконец, для зарубинецкой и еще более для ясторфской традиции, по ее мнению, характерна орнаментация сосудов рельефными «подковками». Осознавая, что северо-западные элементы в зарубинецкой культуре крайне редки, К.В. Каспарова пишет лишь о возможном участии в ее формировании ясторфского населения (Каспарова 1969: 156—157; 1981: 67—72, 76, рис. 6: 2, 3, 13, рис. 7: 1—14; 8: 1—7).

С продвижением германских (ясторфских) племен Е.В. Максимов связывает нарушение стабильности в Припятском Полесье и даже на левобережье Днестра в I в. до н.э. — I в. н.э., о чем, с его точки зрения, свидетельствуют погребение на р. Сейм у с. Пересыпки, находки бронзовых короновидных гривен в Черниговском Подесенье, а также материалы поселения Харьевка и Басовского городища. По мнению исследователя, роль носителей ясторфских традиций в генезисе зарубинец-

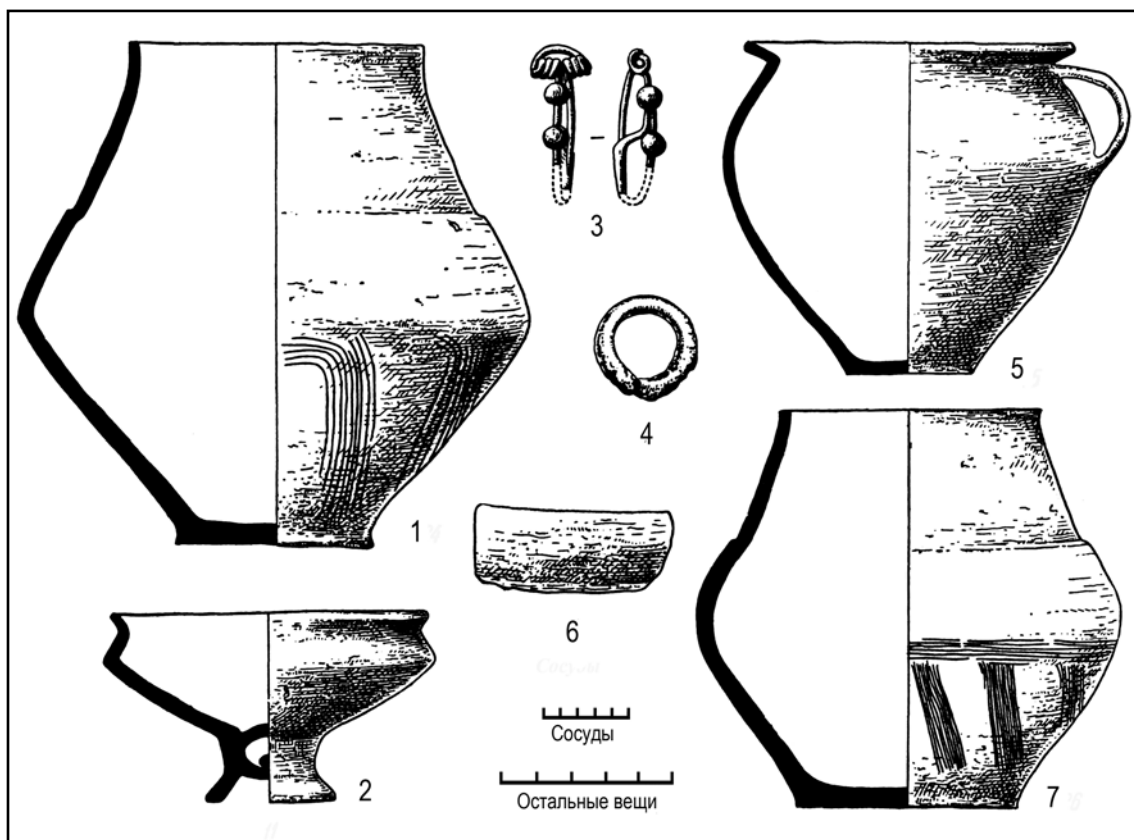
кой культуры не прослеживается (Максимов 1982: 80—81, 163).

Как отмечалось выше, иначе видел соотношение ясторфской и зарубинецкой культур В.Е. Еременко. В поисках «исходного пункта» процесса латенизации он пришел к выводу, что именно проникновение латенских импортов на юго-восточную окраину ясторфской культуры и сложение там переходной латенско-ясторфской подмогельской группы создало предпосылки для широкого распространения данного процесса, резко активизировавшегося с началом передвижения восточноясторфского населения и приведшего в LT C1b (225—190 гг. до н.э.) к формированию латенизированных культур. Исследователь видел две основные причины столь быстрой латенизации: отсутствие постоянного оседлого населения к востоку от Одера и образование зоны археологической непрерывности — дугой, тянущейся вокруг центрально-европейских кельтских земель и через них замыкающейся в кольцо.

Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры складывается, по В.Е. Еременко, позднее балканских походов бастарнов в результате нового импульса с ясторфской периферии, зародившегося, судя по вещам ясторфского происхождения, в северной Ютландии (Еременко 1990: 14—16). В Чаплинском могильнике ясторфский компонент представлен поясными крючками, топорами-кельтами и керамикой, сравнимой с керамикой Дании периодов II (III—II вв. до н.э.) и, в особенности, IIIa (II в. до н.э. — рубеж эр), по К. Беккеру (Еременко 1997: 165, рис. 60: 20, 25—31, 34, 37).

Наличие ясторфских элементов на ранних стадиях зарубинецкой культуры видел и М.Б. Шукин (Шукин 1997: 114), правда, не приводя конкретных примеров.

Подробный анализ ясторфских элементов в зарубинецкой культуре произвела С.П. Пачкова (Пачкова 2006: 224—251). Она пришла к выводу, что на зарубинецких могильниках можно найти отдельные захоронения, по обряду полностью совпадающие с ясторфскими. К ним она отнесла по два комплекса на могильниках Пирогов (погр. 6 и 286), Вишенки (погр. 4 и 6) и одно в Корчеватом (погр. 3). Чаще встречаются погребения, в которых сочетаются зарубинецкие и ясторфские черты. Большинство же зарубинецких захоронений значительно отличаются по обряду от ясторфских (Пачкова 2006: 230—233). По мнению исследовательницы, встречающиеся на могильниках «кучки кальциниро-

Рис. 2. Инвентарь погребений №108 (1—5) и №115 (6, 7) могильника Велемичи I. 1, 2, 5, 7 — глиняные сосуды; 3 — железная фибула; 4 — железное кольцо; 6 — обломок венчика гончарного сосуда. (1—7 — по Кухаренко 1961: табл. 22: 11, 15, 20, 24, 26, 27).

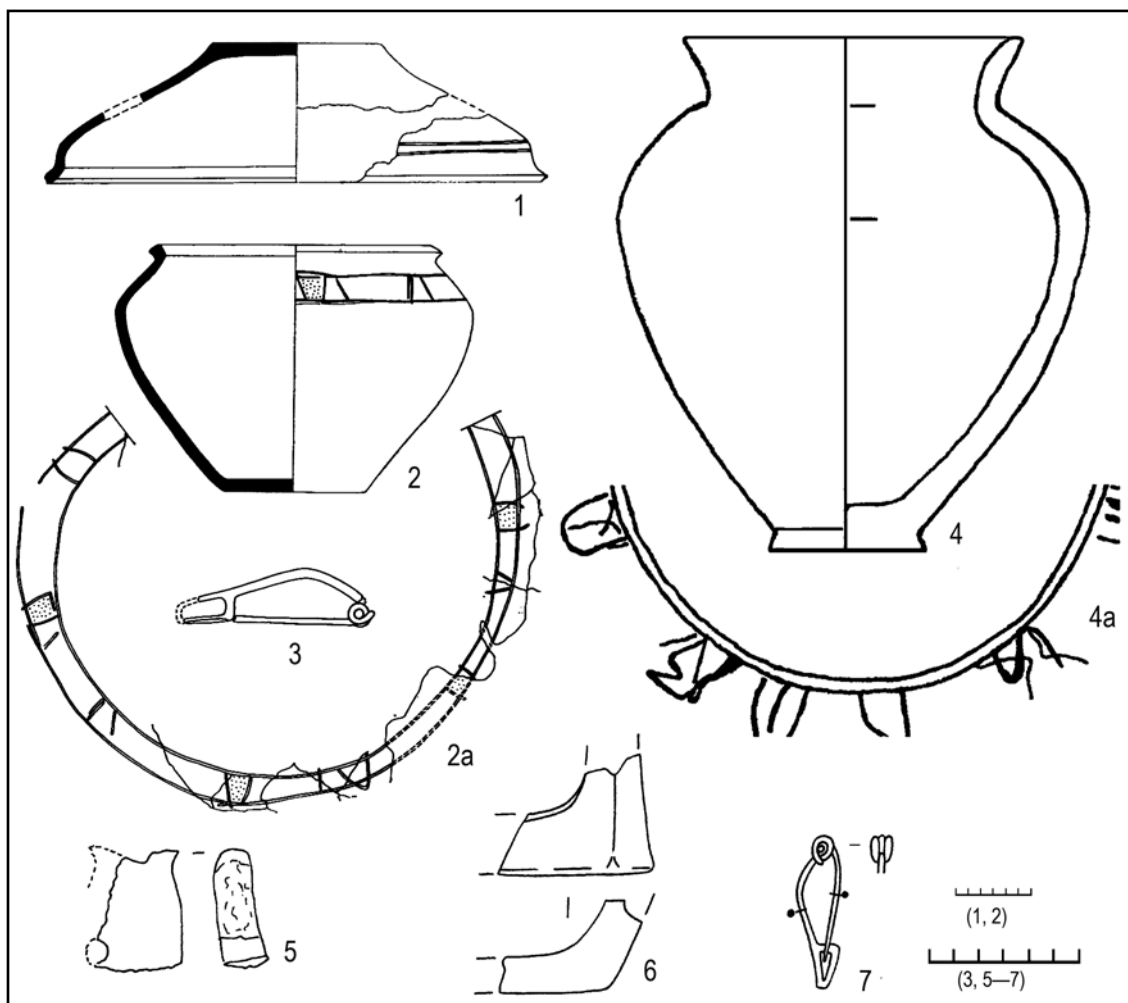
Fig. 2. Grave goods from burial 108 (1—5) and 115 (6, 7) from burial ground Velemichi I. 1, 2, 5, 7 — clay vessels; 3 — iron fibula; 4 — iron ring; 6 — fragment of rim of a wheel thrown pot. (1—7 — after Кухаренко 1961: tab. 22: 11, 15, 20, 24, 26, 27).

ванных костей» связаны с характерным для носителей ясторфских традиций типом урновых захоронений в органических контейнерах. Она также отметила, что набор фибул зарубинецкой культуры значительно отличается от ясторфского. Застежки среднелатенской схемы с треугольным щитком (зарубинецкого типа) для ясторфского населения не характерны. И наоборот, фибулы с шариками на спинке и ножке — распространенное явление в ясторфской культуре и чрезвычайно редкое у зарубинцев. Среди ясторфских материалов часто встречаются фибулы типа D/E и G/H по схеме И. Костшевского (Kostrzewski 1919: 15—41), среди зарубинецких они зафиксированы в единичных случаях (Пачкова 2006: 23—234, рис. 97; 98). Исследовательница охарактеризовала также черты сходства и различия в керамическом комплексе.

В результате С.П. Пачкова пришла к следующим выводам: Она отрицает появление верхнеднепровского варианта зарубинец-

кой культуры в результате импульса из северной Ютландии. В процессе становления зарубинецких традиций на них оказывали воздействие различные локальные варианты ясторфской общности. Последняя явилась источником ясторфского типа латенизации зарубинецкой культуры. Результаты сравнения материалов позволяют сделать вывод о взаимовлиянии, а не об одностороннем воздействии ясторфской культуры на зарубинецкую (Пачкова 2006: 248, 251).

Специальное исследование зарубинецко-ясторфским связям посвятил автор данной статьи (Дробушевский 2017: 17—24). Говоря о вкладе ясторфского населения в формирование зарубинецкой культуры, прежде всего, необходимо исходить не из разного рода предположений общиносторического характера (переселение бастарнов, скиров, кимвров и тевтонов и т.п.), а из анализа конкретных археологических материалов. Отсутствие на территории зарубинецкой культуры ясторфских объектов предзарубинецкого вре-

Рис. 3. Предметы из погребения №3 могильника Грэфенхайнихен (1—3, 3a — по Gustavs G., Gustavs S. 1976: Abb. 3); погребения №6 могильника Пирогов (4, 4a — по Пачкова 2006: рис. 104, без масштаба); поселений Высокий (Белый) Груд (5 — по Шевченко 1997: рис. 9: 11) и Литвиновичи 3 (6, 7 — по Обломский 2000: рис. 14: 3, 4). 1, 2, 4—6 — глина; 3, 7 — железо.

Fig. 3. Items from a grave 3 burial grounds of Gräfenheinichen (1—3, 3a — after Gustavs G., Gustavs S. 1976: Abb. 3); graves 6 of Pirogov (4, 4a — after Пачкова 2006, fig. 104, without scale); settlements Vysokii (Belyi) Grud (5 — after Шевченко 1997, fig. 9: 11) and Litvinovichi 3 (6, 7 — after Обломский 2000, fig. 14: 3, 4). 1, 2, 4—6 — clay; 3, 7 — iron.

мени (LT B2–C1a) исключает возможность миграции с северо-запада в указанный период. Вопреки М.Б. Щукину, нет достоверных ясторфских элементов и в самых ранних зарубинецких комплексах.

Теперь рассмотрим те немногочисленные находки, которые исследователи считали отражением ясторфского влияния на зарубинецкую культурную общность.

Погребение 108 могильника Велемичи I в Полесье (рис. 2: 1—5) интерпретируется по-разному. Происходящий из него большой чернолощенный горшок в нижней части орнаментирован полосами глубоких расчесов, идущими снизу-вверх, где они слегка загибаются

в сторону (рис. 2: 1). Этот сосуд Ю.В. Кухаренко связал с подклешевыми традициями (Кухаренко 1960: 292, рис. 4). По Т. Домбровской, комплекс погребения датируется позднелатенским временем и отражает связи зарубинецкого населения с кельто-даками Молдавии и Закарпатья, а также с культурой Поенешти–Лукашевка (Dąbrowska 1973: 198, 205). А. Невежловский, не отрицая юго-западных и поморских параллелей рассматриваемого велемичского захоронения, считает, что орнамент в виде расчесов — ясторфский (Niewęłowski 1986: 206—207). Единственная в зарубинецкой культуре железная фибула среднелатенской схемы с двумя шари-

ками на спинке (рис. 2: 3) относится к типу Kugelfibeln схемы A2 по А. Бигер. Подобные застежки широко представлены в ясторфской культуре, но велемичский экземпляр мог происходить и из Подунавья, где они также хорошо известны (Bieger 2002: 55—58, abb. 2). Не позднее середины III в. до н. э. фибулы с шариками получают распространение у нижнеднепровских скифов (Тельнов и др. 2016: 957).

Юго-западное направление связей подтверждает и комплекс погребения 115 могильника Велемичи I (рис. 2: 6, 7), в котором был чернолощенный горшок, близкий по форме и орнаменту горшку из погребения 108. Рядом с ним обнаружен обломок венчика гончарного сосуда, поверхность которого покрыта графитом (Кухаренко 1961: 42, табл. 22: 27). Последняя находка, бесспорно, является кельтским импортом.

Все приводимые в качестве ясторфских аналогии элементам зарубинецкого керамического комплекса (горшки с выделенной шейкой, трехчастность сосудов, ручки-ушки, фасетирование венчика, хрупчатость поверхности, «подковки» и т. д.) в предримское время имеют в Европе межрегиональный характер. Зато в зарубинецких материалах совершенно отсутствуют глиняные сосуды со сложными прорезными узорами, с чередующимися лощеными и хрупчатыми вертикальными полями и т. п., характерные именно для культуры Ясторф. Ничего, указывающего на специфическое ясторфское влияние, в глиняной посуде Чаплинского могильника верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры не обнаружил и Дж. Мартенс (Kaul, Martens 1995: 146). Горшок из погребения 6 могильника Пирогов с прочерченными по сырой глине нерегулярными знаками (рис. 3: 4, 4а) С. П. Пачкова сравнивает с сосудом из погребения 3 ясторфского некрополя Грефенхайниген в Германии (рис. 3: 2) (Пачкова 2006: 237, рис. 104). Однако в последнем комплексе обнаружена железная фибула позднелатенской схемы варианта К по Й. Костшевскому (рис. 3: 3) (Gustavs G., Gustavs S. 1976: 57, abb. 3), что не позволяет говорить о ранней дате данного захоронения. Погребение 286 Пироговского могильника тоже позднее. Здесь кроме скопления пережженных костей найдена бронзовая фибула позднелатенской схемы варианта N1 (Скиба 2001: 91, рис. 34: 8). Захоронения 4 и 6 могильника Вишенки (Пачкова 2008: рис. 64, 66) и 3 могильника Корчеватое (Самойловский 1959: 74, табл. II: 47—49), вопреки С. П. Пачковой, ничего специфически ясторфского в себе не содержат. Даже отдельные на-

ходки керамики «северо-западногерманского» характера в Восточной Европе как бы огибают зарубинецкий ареал (Kaul, Martens 1995: fig. 31).

К числу урновых С. П. Пачковой отнесены и захоронения с компактным скоплением кальцинированных костей — в Пироговском могильнике их более 30%, а в Вишенках 18% от общего числа комплексов. По мнению исследовательницы, вполне возможно, что и на других зарубинецких могильниках, в том числе на Чаплинском, большое количество погребений относится к урновым, в которых урнами служили емкости из органического материала (Пачкова 2006: 55—59). К сожалению, это интересное предположение не было подкреплено конкретными примерами. Компактное скопление пережженных костей в могильной яме могло образоваться и в результате простого аккуратного выкладывания праха. В Чаплине нет ни одного случая, когда скопление костей воспроизводило бы форму предполагаемых емкостей из органического материала, которые быстро подверглись разложению и не сохранились (Дробушевский 2016: 54).

Не выявлены следы органических урн на зарубинецком могильнике в д. Горошков Речицкого района Гомельской области Республики Беларусь, на котором с 2014 г. по настоящее время проводит работы Южно-Белорусская экспедиция (Воротинская, Дробушевский 2016: 5—19; Воротинская, Дробушевский 2019: 260—266). Урновые трупопожжения, помещенные в емкости из органического материала, не могут считаться специфически ясторфскими, так как этот обряд захоронения известен в Европе достаточно широко. Полностью отсутствуют на зарубинецких могильниках урновые захоронения в каменных кругах, круглых каменных вымостках или низких насыпях, широко известные в культуре Ясторф (Могильников 1974: 171; Morgenrot 1976: 89, 91). Нет среди зарубинецких древностей глиняных очажных подставок (*Feuerböcke*) и ложек (*Löffel*), известных в ясторфской культуре, Польше и на памятниках типа Поенешти—Лукашевка (Dąbrowska 1988: 183—188; Babeş 1993: 27, 76—79; Woźniak 2013: 13, fig. 6).

В недавней вышедшей статье В. Ярмульски приведены две находки глиняных очажных подставок (*Feuerböcke*) из поселений Высокий (Белый) Груд близ Чернигова (рис. 3: 5) и Литвиновичи 3 на Сумщине в Левобережной Украине (рис. 3: 6) (Iarmulschi 2022: 265—274). Оба памятника находятся на вос-

точной окраине зарубинецкого ареала. В первом случае находка происходит из ямы 24, а само поселение датируется не ранее поздне-латенского времени (LT D2-D3) (Шевченко 1997: 122, рис. 9: 11). Связь этого предмета с ясторфской (или Поенешти-Лукашевкой), на мой взгляд, спорна. Аналогичные глиняные предметы («рогатые кирпичи») известны на памятниках юхновской культуры (Каравайко 2011: 100—103, рис. 64: 1; Недоля 2012: 131—135, рис. 1; 2) и типа верхнего слоя Полужья в Подесенье (Амброз 1964: рис. 2: 13; Обломский, Терпиловский 1991: 50). Второй экземпляр происходит из культурного слоя поселения Литвиновичи 3, которое относится к зарубинецким памятникам типа Харьевки Посеймья (Обломский 2000: 153, рис. 14: 4). Для памятников предримского времени этого региона характерно наличие двух этнокультурных компонентов: среднеднепровского зарубинецкого и центральноевропейского (ясторфский, лукашевский, пшеворский) (Обломский, Терпиловский 1994: 41—51). На поселении единственный «западный» узкодатируемый предмет — это фибула позднелатенской схемы с рамчатой ножкой (рис. 3: 7) (Обломский 2000: 153, рис. 14: 3). Видимо, к этому времени и относится керамическая очажная подставка (ножка «алтаря», по А. М. Обломскому) из поселения Литвиновичи 3.

Среди металлических изделий зарубинецкой культуры ясторфские образцы отсутствуют полностью. Набор типов фибул зарубинецкой культуры значительно отличается от ясторфского (Пачкова 2006: 233). На зарубинецких памятниках до сих пор не известны фибулы вариантов F, I, K по схеме Й. Костшевского и *Kugelfibeln*, шарики которых украшены крестами, а также булавы типа *Flügelnadeln*, двух- и трехсоставные металлические скрепы и др. (Kaul, Martens 1995: fig. 22, 23, 25, 26). Два железных поясных крючка (скрепы) из погребений 125 и 236 Чаплинского могильника (Поболь 1973: рис. 40: 21; 65: 3) также не являются сугубо ясторфскими. Аналогии им известны, например, в кельто-иллирийском Подунавье (Арсенијевић 2013: табл. XX: 13, 20).

Огибают зарубинецкий ареал и широко известные короновидные гривны (*Kronenhalsringe*). Обычно это случайные находки, часто сделанные при осушении болот. Характерно, что на территории знаменитых Полесских болот, мелиорация которых ведется уже более ста лет, до сих пор не известно ни одной такой вещи. Семь гривен-корон

происходят из Черниговского Подесенья (Shchukin et al. 1992: 39—56). Компактный район их обнаружения расположен между зарубинецкими поселениями верхнеднепровского варианта типа Чаплин (Титова Речка, Еловщина) и памятниками типа Харьевки (Обломский, Терпиловский 1994: рис. 1; Обломский 2000: рис. 16). Обращает на себя внимание тот факт, что черниговские гривны-короны относятся к поздним разновидностям (типы *Dvikozy* и *Bloni* по Б. Раухфуссу или II/III—IV по Й. Костшевскому) (Kostrzewski 1919: 106—108, taf. 85; Дробушевский 2017: 21; Rauchfuß 2002). Подобные образцы практически не известны на территории современной Дании и в Поэльбье, датируются они LT D1 (Woźniak 2013: 17—18). В этом же контексте следует рассматривать дружинный могильник у с. Мутин на Сейме, также датируемый концом предримского периода (Терпиловский, Жаров 2014: 45—60).

Таким образом, «ясторфские» элементы в зарубинецкой культуре присутствуют в значительно меньшей степени, чем в других латенизированных общностях (пшеворской, оксывской и Поенешти-Лукашевка). Большинство их являются межрегиональными или принадлежат к позднелатенскому периоду. Отсутствие достоверно ясторфского компонента в ранних зарубинецких комплексах исключает непосредственное участие древнегерманского (ясторфского) населения в формировании зарубинецких традиций. Неудивительно, что в археологической литературе Германии, Дании и Скандинавии гипотеза о германской принадлежности носителей зарубинецкой культуры не вызвала сколько-нибудь заметного энтузиазма.

Конкретные механизмы процесса латенизации культур Центральной и Восточной Европы все еще остаются объектом дискуссии. Оснований говорить о каком-то особом «ясторфском пути» латенизации зарубинецкой общности нет оснований, так как население Поэльбья, Дании, Южной Скандинавии и Поднепровья во второй половине I тыс. до н.э. находилось примерно на одном уровне социально-экономического развития. Этот процесс в Поднепровье шел иначе, чем в Повисленье и Поэльбье и был инициирован не с территории культуры Ясторф, а, вероятно, с юго-запада, через Восточные Карпаты (Кухаренко 1959: 42; Woźniak 1974: 136—165; Dąbrowska 1980: 325, 327; Godłowski 1977: 205). Второй путь намечается через Нижнее Подунавье, о чем свидетельствуют новейшие исследования скиф-

ского могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Поднестровья, где выявлены многочисленные латенские материалы (Тельнов и др. 2016). Нельзя так же исключать и непосредственные контакты зарубинцев с кельтским миром, на что указывают находки латенского импорта на зарубинецких памятниках.

Выводы

Анализ археологических и письменных источников не подтверждает принадлежность памятников типа Поенешти—Лукашевка четвертой группе зарубинецкой культуры или существование некой «зарубинецко-поенештской культурной общности» (ЗПО).

«География» Страбона не дает никаких оснований для локализации бастарнов в ареале зарубинецкой культуры.

Нет никаких археологических данных о том, что носители зарубинецкой культуры могли познакомиться с копьевидными (зарубинецкими) фибулами исключительно в резуль-

тате бастарнских походов 179—168 гг. до н. э. Более вероятно заимствование этих фибул зарубинцами у поздних скифов левобережья Нижнего Поднестровья (Глиное), подвергшихся кельтскому влиянию.

«Ясторфские» элементы в зарубинецкой культуре присутствуют в значительно меньшей степени, чем в других латенизированных общностях (пшеворской, оксывской и Поенешти—Лукашевка). Большинство их являются межрегиональными или принадлежат к позднелатенскому периоду, т. е. к тому времени когда собственно зарубинецкая культура уже существовала сто лет. Отсутствие достоверно ясторфского компонента в ранних зарубинецких комплексах исключает непосредственное участие древнегерманского (ясторфского) населения в формировании зарубинецких традиций.

Зарубинецкая культура, хотя и относится к кругу латенизированных культур предримского времени, однако представляет собой самостоятельное и самобытное явление на этнокультурной карте Восточной Европы.

Литература

- Арсенијевић С. 2013. *Појасне копче из млађег гвозденог доба на тлу западног и централног Балкана*. Бања Лука: Музеј Републике Српске.
- Амброз А. К. 1959. Фибулы зарубинецкой культуры. МИА 70, 184—190.
- Амброз А. К. 1964. К истории верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА (1), 56—71.
- Амброз А. К. 1966. *Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. САИ Д1—30. Москва: Наука.
- Андреев В. 2012. *Віктор Петров. Нариси інтелектуальної біографії вченого*. Дніпропетровськ: Герда.
- Воронятов С. 2020. Бастарны и зарубинецкая культура. В: Алексеев А. Ю., Наврот М., Гасс А., Пиотровский Ю. Ю. (ред.). *Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э. Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Чистый лист, 270—277.
- Воротинская Л. С., Дробушевский А. И. 2016. Археологические исследования Горошковского могильника в 2014 году. *Матэрыялы па археалогіі Беларусі* 27. Мінск: Беларуская навука, 5—19.
- Воротинская Л. С., Дробушевский А. И. 2019. Исследования Южно-белорусской экспедиции на зарубинецком могильнике Горошков в 2016 году. АСГЭ 42, 260—266.
- Дробушевский А. И. 2016. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья. В: Коваленя А. А. (гл. ред.). *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период* 1. Минск: Беларуская навука, 38—136.
- Дробушевский А. И. 2017. Зарубинецкая культура и культура Ясторф. В: Родинкова В. Е., Румянцева О. С. (отв. ред.). *Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А. М. Обломского*. РСМ 19. Москва: ИА РАН, 17—24.
- Еременко В. Е. 1990. *Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Еременко В. Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. *Опыт реконструкции этнополитических процессов III—I вв. до н. э. в Центральной и Восточной Европе*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Еременко В. Е. 2000. Нас много, и мы везде... Памяти К. В. Каспаровой. *Stratum plus* (4), 14—16.
- Еременко В. Е., Щукин М. Б. 1998. К вопросу о хронологии восточного латена и позднего предримского времени. АСГЭ 33, 61—89.
- Каравайко Д. В. 2012. *Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья*. Киев: ИА НАНУ.
- Каспарова К. В. 1969. Могильник и поселение у дер. Отвержичи. МИА 160, 131—168.
- Каспарова К. В. 1977. О фибулах зарубинецкого типа. АСГЭ 18, 68—78.
- Каспарова К. В. 1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры. СА (2), 57—79.
- Каспарова К. В. 1984. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена. АСГЭ 25, 108—117.
- Кропотов В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.
- Кухаренко Ю. В. 1959. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. СА (1), 31—51.
- Кухаренко Ю. В. 1960. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА (1), 289—300.
- Кухаренко Ю. В. 1961. *Памятники железного века на территории Полесья*. САИ Д1—29. Москва: АН СССР.
- Кухаренко Ю. В. 1964. *Зарубинецкая культура*. САИ Д1—19. Москва: Наука.
- Максимов Е. В. 1972. *Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры*. Киев: Наукова думка.

- Максимов Е. В. 1982. *Зарубинецкая культура на территории УССР*. Киев: Наукова думка.
- Максимов Е. В. 2000. О контактах населения Центральной Европы с зарубинецкими племенами Среднего Приднепровья. *Stratum plus* (4), 53—65.
- Мачинский Д. А. 1966а. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. *КСИА* 107, 3—8.
- Мачинский Д. А. 1966б. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка. В: Мерперт Н. Я., Кожин П. М. (ред.). *Археология Старого и Нового Света*. Москва: Наука, 82—96.
- Мачинский Д. А. 1973. Кельты на землях к востоку от Карпат. *АСГЭ* 15, 52—64.
- Мачинский Д. А. 1974. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. *АСГЭ* 16, 123—129.
- Мачинский Д. А. 1976. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках. *АСГЭ* 17, 82—100.
- Мачинский Д. А. 2009. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. *ТГЭ* 49, 460—538.
- Мачинский Д. А. 2012. О прародине славян в I—V вв. и об этносоциуме Русь/Rōs в IX в. (чрезвычайно развёрнутый комментарий к некоторым сообщениям «Баварского географа»). В: Мачинский Д. А. (ред.). *Истоки славянства и Руси*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 25—127, 134—165.
- Могильников В. А. 1974. Погребальный обряд культур III в. до н. э. — III в. н. э. в западной части Балтийского региона. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.* Москва: Наука, 133—225.
- Недоля А. Н. 2012. Рогатые кирпичи с некоторых городищ юхновской культуры Средней Десны. В: Вязмитин О. Р. (ред.). *Деснинские древности — VI. Мат-ы межгосуд. науч. конф-и, посвящённой памяти Ф. М. Заверняева*. Брянск: Группа компаний «Десяточка», 131—135.
- НРЭ 2009: Новая Российская энциклопедия в 12 томах. 2009. Т. VI (1). Москва: Энциклопедия; Издательский дом «Инфра-М».
- Обломский А. М. 1983. *Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Обломский А. М. 1986. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на ножке. *КСИА* 186, 50—56.
- Обломский А. М. 2000. Материалы зарубинецкого периода на поселении Литвиновичи-3 в Среднем Посеймье. *Stratum plus* (4), 141—155.
- Обломский А. М. 2008. Зарубинецкая культура. *Большая Российская энциклопедия*. Т. 10. Москва: Большая Российская Энциклопедия, 276—277.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 1991. *Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I—II вв. н. э.* Москва: ИА АН СССР.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 1994. Посейм'я у латенский час. *Археология* (3), 41—51.
- Пачкова С. П. 1990. Проблема зарубинецкой и поянешты-лукашевской культур в зарубежной историографии. В: Толочко П. П. (ред.). *Славяне и Русь (в зарубежной историографии)*. Киев: Наукова думка, 12—30.
- Пачкова С. П. 2006. *Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы*. Киев: ИА НАНУ.
- Пачкова С. П. 2008. *Могильник зарубинецкой культуры Вишеньки біля Києва*. Київ: ІА НАНУ.
- Поболь Л. Д. 1971. *Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры)*. Минск: Наука и техника.
- Поболь Л. Д. 1973. *Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры)*. Минск: Наука и техника.
- Романовская М. А. 1968. *Население Карпато-Днестровского района во II—I вв. до н. э. (по археологическим материалам)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Самойловский И. М. 1959. Корчеватовский могильник. *МИА* 70, 61—93.
- Скиба Л. Є. 2001. *Пирогівський могильник зарубинецької культури*. Київ: ІА НАНУ.
- Спицын А. А. 1904. Памятники латенской культуры в России. *ИАК* 12, 78—86.
- Страбон. 1964. *География в 17 книгах*. Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского. Москва: Наука.
- Тельнов и др. 2016: Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное*. Кишинев; Тирасполь: Stratum plus.
- Терпиловский Р. В., Жаров Г. В. 2014. Проблемы дослідження пам'яток типу Харівка. В: Івакін Г. Ю. (ред.). *Від венедів до Русі*. Київ; Харків: Майдан, 45—60.
- Третьяков П. Н. 1966. *Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге*. Москва; Ленинград: Наука.
- Федоров Г. Б. 1957. Лукашевский могильник. *КСИИМК* 67, 51—62.
- Федоров Г. Б. 1960. *Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.* МИА 89. Москва: Наука.
- Шевченко Ю. Ю. 1997. Высокий (Белый) Груд на рубеже нашей эры. В: Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. (ред.). *Stratum + Петербургский археологический вестник*. Санкт-Петербург; Кишинев: Научно-образовательный центр «Рудь-Мэтониум»; Бизнес-Элита, 121—137.
- Щукин М. Б. 1993. Проблема бастарнов и этнического определения поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур. *Петербургский археологический вестник* 6, 89—95.
- Щукин М. Б. 1994. *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе*. Санкт-Петербург: Фан.
- Щукин М. Б. 1997. Рождение славян. В: Ткачук М. Е., Манзура И. В., Мосионжик Л. А. (ред.). *Стратум: структуры и катастрофы*. Санкт-Петербург: Нестор, 110—147.
- Щукин М. Б. 1999. Забытые бастарны. *Stratum plus* (5), 75—90.
- Щукин М. Б. 2005. *Готский путь (готы, Рим и черняховская культура)*. Санкт-Петербург: Филол. фак-т СПбГУ.
- Babeş M. 1993. *Die Poienesti-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den Jahrhunderten vor Christi Geburt*. Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 30. Bonn: R. Habelt.
- Bieger A. 2002. Kugelfibeln — Fibeln mit Kugeln — Fibeln mit Kugelzier? Klassifizierung von Kugelfibeln der mittleren Latène — bzw. jüngeren vorrömischen Eisenzeit. *Acta Praehistorica et Archaeologica* (34), Rahden/Westf., 55—58.
- Brather S. 2004. *Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie*. Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde Herausgegeben von Heinrich Beck, Dieter Geuenich, Heiko Steuer 42. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

- Dąbrowska T. 1973. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim. *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne* 2. Warszawa, 127—254.
- Dąbrowska T. 1980. Rec.: K. V. Kasparova, O fibulach zarubineckogo tipa, „Archeologičeskij sbornik Ermitaža“ T. 18: 1977. *Sprawozdania Archeologiczne* 32. Warszawa, 323—328.
- Dąbrowska T. 1988. *Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia — zasięg — powiązania*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.
- Godłowski K. 1977. *Okres lateński w Europie*. Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna. Część IV. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego
- Gustavs G., Gustavs S. 1976. Das Urnengräberfeld der Spätlatènezeit von Gräfenheinen, Kreis Gräfenheinen. *Jahresschrift für die Vorgeschichte der Sächsisch-Türingischen Länder Jahresschrift mitteleuropäische Vorgeschichte*. Bd. 59. Berlin, 26—171.
- Hellström K. 2018. *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet* (2. Jh. v. Chr. — 3. Jh. n. Chr.). Archäologie in Eurasien. Herausgegeben von Svend Hansen. Band 39. Bonn: Habelt.
- Iarmulski V. 2022. „Feuerböcke“ der jüngeren Vorrömischen Eisenzeit im Milieu der Zarubincy-Kultur. *Praehistorische Zeitschrift* (97/1). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 265—274.
- Kaul F., Martens J. 1995. Southeast European Influences in the Early Iron Age of Southern Scandinavia. Gundestrup and the Cimbri. *Acta Archaeologica* 66. København, 111—161.
- Kossinna G. 1914. *Die deutsche Vorgeschichte eine hervorragend nationale Wissenschaft*. Mannus-Bibliothek 9. Würzburg: Curt Kabitzsch Verlag.
- Kossinna G. 1932. *Germanische Kultur im 1 Jahrtausend nach Christus*. Mannus-Bibliothek 1. Leipzig: Kabitzsch.
- Kossinna G. 1934. *Die deutsche Vorgeschichte: eine Hervorragend nationale Wissenschaft*. Mannus-Bibliothek 9. Leipzig: Kabitzsch.
- Kostrzewski J. 1919. *Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit*. Mannus-Bibliothek 18—19. Leipzig: Würzburg.
- Künemann W. 1998. Rec.: Марк Б. Щукин, На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens* 4. Mainz, 496—499.
- Morgenrot W. 1976. Die Herausbildung der germanischen Stämme (ab etwa 6. Jahrhundert vor unserer Zeitrechnung). In: Herrmann J., Krüger B. (Hrsg.). *Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa*. Berlin: Akademie-Verlag, 79—95.
- Munteanu O. 2013. Cultura Poieniști-Lucașeuca o succintă retrospectivă istoriografică a interpretărilor etnoarheologice. *Plural* I (1—2), 37—52.
- Munteanu O., Iarmulski V. 2019. Cultura Poieniști-Lucașeuca: istoricul cercetărilor de teren și istoriografia problemei. *Bibliotheca Memoriae Antiquitatis* XLI. Brăila; Piatra Neamț, 217—241.
- Niewęgłowski A. 1986. Uwagi o chronologii i genezie kultury zarubinieckiej i przeworskiej. *Archeologia Polski* XXXI (1), 203—216.
- Petersen E. 1940. Die Bastarnen und Skiren. In: Reinert H. (Hrsg.) *Die Vorgeschichte der deutschen Stämme. Germanische Tat und Kultur auf deutschen Boden* 3. Ostgermanen und Nordgermanen. Leipzig: Bibliographisches Institut; Berlin: Herbert Stubenrauch, Verlagsbuchhandlung, 867—942.
- Popović P. 1994. Lanzenfibeln des Westbalkans und der Donauniederung. *Balkanica* XXV (1). Belgrade, 53—71.
- Porucznik J. 2014. Bastarnowie — źródła pisane a materiał archeologiczny. *Wratislaviensium Studia Classica Olim Classica Wratislaviensia* III (XXXIV), 57—76.
- Rauchfuß B. 2002. *Die Kronenhalsringe der vorrömischen Eisenzeit in Nord- und Osteuropa*. Schriftliche Hausarbeit zur Erlangung des akademischen Grades eines Magister Artium. Berlin.
- Reinecke P. 1906. Aus der russischen archäologischen Literatur. (Gräberfelder vom Ende der La Tènezeit und aus der jüngeren römischen Kaiserzeit im Gouvernement Kiew). *Meinzer Zeitschrift* (I). Mainz, 42—50.
- Shchukin M. B. 1989. *Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century B.C. — 1st Century A.D.* BAR IS 542. Oxford: BAR.
- Shchukin M. B., Val'kova T. V., Shevchenko Y. Z. 1993. New finds of “Kronenhalsringe” in the Chernigov region, Ukraine, and some problems of their interpretation. *Acta Archaeologica* 63. København, 39—56.
- Stampfus R. 1942. Germanen in der Ukraine. *Germanen-Erbe. Monatschrift für Deutsche Vorgeschichte* 9/10, 130—140.
- Tackenberg K. 1929. Bastarnen. *Volk und Rasse* 4, 232—244.
- Tackenberg K. 1930. Zu den Wanderung der Ostgermanen. Mannus-Bibliothek 22. Leipzig: Kabitzsch, 268—395.
- Tackenberg K. 1963. Zu den Funden von Lukaschewka im Bezirk Kischenew, Moldau-Republik. *Alt-Thüringen. Jahresschrift des Museums für Ur- und Frühgeschichte Thüringens* 6, 403—427.
- Vulpe R. 1953. Săpăturile de la Poieniști din anul 1949. *Materiale și cercetări arheologice privind istoria veche a României* I. București, 213—506.
- Vulpe R. 1955. Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. *Nouvelles études d'histoire* 1. București, 103—119.
- Woźniak Z. 1974. *Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
- Woźniak Z. 2013. The Middle of the 1st Millennium. The Role of Celts and Jastorf Culture in Cultural and Ethnic Changes in the Lands of Poland in the Latter Half of the 1st Millennium BC. In: Woźniak Z., Grygiel M., Machajewski H., Michałowski A. *The Jastorf Culture in Poland*. BAR IS (2579). Oxford: Hadrian Books Ltd, 5—22.

References

- Arsenijević, S. 2013. *Pojasne kopče iz mlađeg gvozdenog doba na tlu zapadnog i centralnog Balkana* (The Late Iron Age Belt Buckles on the Territory of the Western and Central Balkans). Banja Luka: Museum of the Serbian Republic (in Serbian).
- Ambroz, A. K. 1959. In *Materiały i issledovaniia po arkeologii* (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 70, 184—190 (in Russian).
- Ambroz, A. K. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (1), 56—71 (in Russian).
- Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR* (II v. do n. e. — IV v. n. e.) (Fibulae of the South of European Part of USSR (2nd Century BC — 4th Century AD)). Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—30. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Andryeyev, V. 2012. *Viktor Petrov. Narysy intelektual'noi biografiï vchenoho* (Viktor Petrov: Essays on Intellectual Biography of the Scholar). Dnipropetrovsk: “Herda” Publ. (in Ukrainian).
- Voroniatov, S. 2020. In Alekseev, A. Yu., Navrot, M., Gass, A., Pio-

- trovskii, Yu. Yu. (eds.). *Zheleznyi vek. Evropa bez granits. Pervoe tysiacheletie do n.e. Katalog vystavki (Iron Age. Europe without Borders. 1st Millennium BC. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Chisty list" Publ., 270—277 (in Russian).
- Vorotinskaia, L. S., Drobushhevskii, A. I. 2016. In *Materyyaly pa arkheolohii Belarusi (Proceedings on the Archaeology of Belarus)* 27. Minsk: "Belaruskaya navuka" Publ., 5—19 (in Russian).
- Vorotinskaia, L. S., Drobushhevskii, A. I. 2019. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 42, 260—266 (in Russian).
- Drobushhevskii, A. I. 2016. In Kovalenia, A. A. (ed.-in-chief). *Slaviane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period (Slavs on the Territory of Belarus in the Pre-Statat Period)* 1. Minsk: "Belaruskaya navuka" Publ., 38—136 (in Russian).
- Drobushhevskii, A. I. 2017. In Rodinkova, V. E., Rumiantseva, O. S. (eds.). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ia: varvarskii mir i rozhdienie slavianskikh kul'tur (Europe from La Tène to the Middle Ages: Barbarian World and Birth of Slavic Cultures)*. Series: Ranneslavianskii mir. *Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors)* 19. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 17—24 (in Russian).
- Eremenko, V. E. 1990. *Protsess latenizatsii arkheologicheskikh obshchnostei pozdnego predrimskogo vremeni Vostochnoi Evropy i slozhenie zarubinskoi kul'tury (Process of a Laténization of Archaeological Communities of Pre-Roman Iron Age of the Eastern Europe and Zarubintsy Culture Formation)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
- Eremenko, V. E. 1997. «*Kel'tskaia vual'» i zarubinskaya kul'tura. Opyt rekonstruktsii etnopoliticheskikh protsessov III—I vv. do n.e. v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope (The "Celtic Veil" and the Zarubintsy Culture: An Essay on Reconstruction of 3rd—1st Centuries BC Ethnic-Political Processes in Central and Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Eremenko, V. E. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 14—16 (in Russian).
- Eremenko, V. E., Shchukin, M. B. 1998. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 33, 61—89 (in Russian).
- Karavaiko, D. V. 2012. *Pamiatniki iukhnovskoi kul'tury Novgorod-Severskogo Poles'ia (Yukhnov Culture Sites in the Novgorod-Seversky Part of the Polesye Region)*. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- Kasparova, K. V. 1969. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 160, 131—168 (in Russian).
- Kasparova, K. V. 1977. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 18, 68—78 (in Russian).
- Kasparova, K. V. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 57—79 (in Russian).
- Kasparova, K. V. 1984. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 25, 108—117 (in Russian).
- Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch)*. Kyiv: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).
- Kukhareno, Yu. V. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 31—51 (in Russian).
- Kukhareno, Yu. V. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 289—300 (in Russian).
- Kukhareno, Yu. V. 1961. *Pamiatniki zheleznoogo veka na territorii Poles'ia (Iron Age Sites of the Polesye Region)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* D1—29. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kukhareno, Yu. V. 1964. *Zarubinskaya kul'tura (Zarubintsy Culture)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* D1—19. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Maksimov, E. V. 1972. *Srednee Podneprov'e na rubezhe nashei ery (Middle Dnieper Basin at the Turn of the Common Era)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Maksimov, E. V. 1982. *Zarubinskaya kul'tura na territorii USSR (Zarubintsy Culture on the Territory of the Ukrainian SSR)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Maksimov, E. V. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 53—65 (in Russian).
- Machinskii, D. A. 1966. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 107, 3—8 (in Russian).
- Machinskii, D. A. 1966. In Merpert, N. Ya., Kozhin, P. M. (eds.). *Arkheologiya Starogo i Novogo Sveta (Archaeology of the Old and the New World)*. Moscow: "Nauka" Publ., 82—96 (in Russian).
- Machinskii, D. A. 1973. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 15, 52—64 (in Russian).
- Machinskii, D. A. 1974. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 16, 123—129 (in Russian).
- Machinskii, D. A. 1976. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 17, 82—100 (in Russian).
- Machinskii, D. A. 2009. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)* 49, 460—538 (in Russian).
- Machinskii, D. A. 2012. In Machinskii, D. A. (ed.). *Istoki slavianskoi i Rusi. X Chteniia pamiati Anny Machinskoi (Origins of the Slavs and Russia. 10th Readings to the Memory of Anna Machinskaya)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 25—127, 134—165 (in Russian).
- Mogil'nikov, V. A. 1974. In Sedov, V. V. (ed.). *Pogrebal'nyi obriad plemen Severnoi i Srednei Evropy v I tysiacheletii do n.e. — pervoi polovine I tysiacheletia n.e. (Funerary Rite of Tribes of Northern and Middle Europe in the 1st Millennium BC — First Half of the 1st Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ., 133—225 (in Russian).
- Nedolia, A. N. 2012. In Viaz'mitin, O. R. (ed.). *Desninskie drevnosti (Antiquities of the Desna Region)* VI. Bryansk: "Desiatochka" Publ., 131—135 (in Russian).
- Novaia rossiiskaia entsiklopediia v 12 tomakh (New Russian Encyclopedia in 12 vols.). 2009. Vol. VI (1). Moscow: "Entsiklopediia" Publ.; "Infra-M" Publ. House (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 1983. *Verkhnedneprovskii variant zarubinskoi kul'tury (The Upper Dnieper Variant of the Zarubintsy Culture)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 1986. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 186, 50—56 (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 141—155 (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 2008. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 10. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 276—277 (in Russian).
- Oblomskii, A. M., Terpilovskii, R. V. 1991. *Srednee Podneprov'e i Dneprovskoe Levoberezh'e v pervye veka nashei ery (Middle Dnieper Basin and the Dnieper Left-Bank Area in the First Centuries AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR" Publ. (in Russian).
- Oblomskii, A. M., Terpilovskii, R. V. 1994. In *Arkheologiya (Archaeology)* (3), 41—51 (in Ukrainian).
- Pachkova, S. P. 1990. In Tolochko, P. P. (ed.). *Slaviane i Rus' (v zarubezhnoi istoriografii) (Slavs and Russia (in the Foreign Historiography))*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 12—30 (in Russian).
- Pachkova, S. P. 2006. *Zarubinskaya kul'tura i latenizirovannye kul'tury Evropy (Zarubintsy Culture and La-Tène-ized Cultures of Europe)*. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- Pachkova, S. P. 2008. *Mohyl'nyk zarubynets'koi kul'tury Vyshen'ky bilya Kyieva (Vishen'ki, the Zarubintsy Culture Burial Ground near Kyiv)*. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
- Pobol', L. D. 1971. *Slavianskie drevnosti Belorussii (rannii etap zarubinskoi kul'tury) (Slavic Antiquities of Belarus: the*

- Early Stage of the Zarubintsy Culture). Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).
- Pobol', L.D. 1973. *Slavianskie drevnosti Belorussii (mogil'niki rannego etapa zarubintskoi kul'tury) (Slavic Antiquities in Belarus: Burial Grounds of the Early Stage of the Zarubintsy Culture)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).
- Romanovskaia, M.A. 1968. *Naselenie Karpato-Dnestrovskogo raiona vo II—I vv. do n.e. (po arkheologicheskimi materialam) (Population of the Carpathian-Dniester Region in the 2nd — 1st Centuries BC: according to Archaeological Data)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Samoilovskii, I.M. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 70, 61—93 (in Russian).
- Skyba, L. Ye. 2001. *Pyrohiv's'kyi mohyl'nyk zarubynets'koi kul'tury (Pyrogiv Burial Ground of the Zarubintsy Culture)*. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
- Spitsyn, A.A. 1904. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 12, 78—86 (in Russian).
- Strabon. 1964. *Geografiia v 17 knigakh (The Geography of Strabo)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Telnov, N.P., Chetvericov, I.A., Sinika, V.S. 2016. *Skifskii mogil'nik III—II vv. do n.e. u sela Glinoe (Scythian Cemetery of 3rd—2nd Centuries BC near Glinoe Village)*. Series: Arkheologicheskie pamiatniki Pridnestrov'ia (Archaeological Sites of Pridnestrovie) III. Tiraspol: "Stratum plus" Publ. (in Russian).
- Terpylov's'kyi, R.V., Zharov, G.V. 2014. In Ivakin, H. Yu. (ed.). *Vid venediv do Rusi. Zbirnyk naukovykh prats' na poshanu doktora istorichnykh nauk, profesora Denysa Nykodymovycha Kozaka z nahody joho 70-littya (From Veneti to Rus: Collected Papers to the 70th Anniversary of Professor Denis Kozak)*. Kyiv; Kharkiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; "Majdan" Publ., 45—60 (in Ukrainian).
- Tret'iakov, P.N. 1966. *Finno-ugry, balty i slaviane na Dnepre i Volge (Finno-Ugrians, Balts and Slavs on the Dnieper and Volga Rivers)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Fedorov, G.B. 1957. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 67, 51—62 (in Russian).
- Fedorov, G.B. 1960. *Naselenie Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ia v I tysiacheletii n.e. (People of the Prut-Dniester Interfluvium in the I Millennium BC)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 89. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Shevchenko, Yu. Yu. 1997. In Vakhtina, M. Yu., Vinogradov, Yu.A. (eds.). *Stratum+ Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (Stratum+ Petersburg Archaeological Bulletin)*. Saint Petersburg; Kishinev: "Business-Elita" Publ., 121—137 (in Russian).
- Shchukin, M.B. 1993. In *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (Petersburg Archaeological Bulletin)* 6, 89—95 (in Russian).
- Shchukin, M.B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n.e. — I v.n.e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope (On the Turn of Eras. An attempt to construct a model of political events in Eastern and Central Europe during the 3rd century BC — 1st century AD)*. Series: Russian Archaeological Library 2. Saint Petersburg: "Farn LTD C." Publ. (in Russian).
- Shchukin, M.B. 1997. In Tkachuk, M.E., Manzura, I.V., Mosionjnic, L.A. (eds.). *Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoi indoevropeiskoi istorii (Stratum: Structures and Catastrophes. A Collection of Symbolic Indo-European History)*. Saint Petersburg: "Nestor" Publ., 110—147 (in Russian).
- Shchukin, M.B. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 75—90 (in Russian).
- Shchukin, M.B. 2005. *Gotskii put' (goty, Rim i cherniakhovskaia kul'tura) (The Gothic Way (Goths, Rome and the Culture of the Chernjakhov-Sintana de Mureş))*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of the Philology (in Russian).
- Babeş, M. 1993. *Die Poienişti-Lukaşevka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den Jahrhunderten vor Christi Geburt*. Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 30. Bonn: R. Habelt.
- Bieger, A. 2002. Kugelfibeln — Fibeln mit Kugeln — Fibeln mit Kugelzier? Klassifizierung von Kugelfibeln der mittleren Latène — bzw. jüngeren vorrömischen Eisenzeit. *Acta Praehistorica et Archaeologica* (34). Rahden/Westf., 55—58.
- Brather, S. 2004. *Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie*. Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde Herausgegeben von Heinrich Beck, Dieter Geuenich, Heiko Steuer. Band 42. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Dąbrowska, T. 1973. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim. *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne* 2. Warszawa, 127—254.
- Dąbrowska, T. 1980. Rec.: K.V. Kasparova, O fibulach zarubineckogo tipa, „Archeologičeskij sbornik Ermitaža“, t. 18: 1977. *Sprawozdania Archeologiczne* 32. Warszawa, 323—328.
- Dąbrowska, T. 1988. *Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia — zasięg — powiązania*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.
- Godłowski, K. 1977. *Okres lateński w Europie*. Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna. Część IV. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Gustavs, G., Gustavs, S. 1976. Das Umengräberfeld der Spätlatènezeit von Gräfenheinichen, Kreis Gräfenheinichen. *Jahresschrift für die Vorgeschichte der Sächsisch-Türingischen Länder Jahresschrift mitteldeutsche Vorgeschichte*. Bd. 59. Berlin, 26—171.
- Hellström, K. 2018. *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. — 3. Jh. n. Chr.)*. Archäologie in Eurasien. Herausgegeben von Svend Hansen. Band 39. Bonn: Habelt.
- Iarmul'schi, V. 2022. „Feuerböcke“ der jüngeren Vorrömischen Eisenzeit im Milieu der Zarubincy-Kultur. *Praehistorische Zeitschrift* (97/1). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 265—274.
- Kaul, F., Martens, J. 1995. Southeast European Influences in the Early Iron Age of Southern Scandinavia. Gundestrup and the Cimbri. *Acta Archaeologica* 66. København, 111—161.
- Kossinna, G. 1914. *Die deutsche Vorgeschichte eine hervorragend nationale Wissenschaft*. Mannus-Bibliothek 9. Würzburg: Curt Kabitzsch Verlag.
- Kossinna, G. 1932. *Germanische Kultur im 1 Jahrtausend nach Christus*. Mannus-Bibliothek 1. Leipzig: Kabitzsch.
- Kossinna, G. 1934. *Die deutsche Vorgeschichte: eine Hervorragend nationale Wissenschaft*. Mannus-Bibliothek 9. Leipzig: Kabitzsch.
- Kostrzewski, J. 1919. *Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit*. Mannus-Bibliothek 18—19. Leipzig; Würzburg.
- Künnemann, W. 1998. In *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens* 4. Mainz, 496—499.
- Morgenrot, W. 1976. Die Herausbildung der germanischen Stämme (ab etwa 6. Jahrhundert vor unserer Zeitrechnung). In Herrmann, J., Krüger, B. (Hrsg.). *Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa*. Berlin: Akademie-Verlag, 79—95.
- Munteanu, O. 2013. Cultura Poienişti-Lucaşeuca o succintă retrospectivă istoriografică a interpretărilor etnoarheologice. *Plural* I (1—2), 37—52.
- Munteanu, O., Iarmul'schi, V. 2019. Cultura Poienişti-Lucaşeuca: istoricul cercetărilor de teren şi istoriografia problemei. *Bibliotheca Memoriae Antiquitatis* XLI. Brăila; Piatra Neamţ, 217—241.
- Niewęgłowski, A. 1986. Uwagi o chronologii i genezie kultur zarubinieckiej i przeworskiej. *Archeologia Polski* XXXI (1), 203—216.
- Petersen, E. 1940. Die Bastarnen und Skiren. In Reinert, H. (Hrsg.) *Die Vorgeschichte der deutschen Stämme. Germanische*

- Tat und Kultur auf deutschen Boden 3. Ostgermanen und Nordgermanen.* Leipzig: Bibliographisches Institut; Berlin: Herbert Stubenrauch, Verlagsbuchhandlung, 867—942.
- Popović, P. 1994. Lanzenfibeln des Westbalkans und der Donauniederung. *Balkanica* XXV (1). Belgrade, 53—71.
- Porucznik, J. 2014. Bastarnowie — źródła pisane a materiał archeologiczny. *Wratislaviensium Studia Classica Olim Classica Wratislaviensia* III (XXXIV), 57—76.
- Rauchfuß, B. 2002. *Die Kronenhalsringe der vorrömischen Eisenzeit in Nord- und Osteuropa.* Schriftliche Hausarbeit zur Erlangung des akademischen Grades eines Magister Artium. Berlin.
- Reinecke, P. 1906. Aus der russischen archäologischen Literatur. (Gräberfelder vom Ende der La Tènezeit und aus der jüngeren römischen Kaiserzeit im Gouvernement Kiew). *Meinzer Zeitschrift* (I). Mainz, 42—50.
- Shchukin, M. B. 1989. *Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century BC — 1st Century AD.* BAR IS 542. Oxford: BAR.
- Shchukin, M. B., Val'kova, T. V., Shevchenko, Y. Z. 1993. New finds of "Kronenhalsringe" in the Chemigov region, Ukraine, and some problems of their interpretation. *Acta Archaeologica* 63. København, 39—56.
- Stampfus, R. 1942. Germanen in der Ukraine. *Germanen-Erbe. Monatschrift für Deutsche Vorgeschichte* 9/10, 130—140.
- Tackenberg, K. 1929. Bastarnen. *Volk und Rasse* 4, 232—244.
- Tackenberg, K. 1930. Zu den Wanderung der Ostgermanen. *Manus-Bibliothek* 22. Leipzig: Kabitzsch, 268—395.
- Tackenberg, K. 1963. Zu den Funden von Lukaschewka im Bezirk Kischenew, Moldau-Republik. *Alt-Thüringen. Jahresschrift des Museums für Ur- und Frühgeschichte Thüringens* 6, 403—427.
- Vulpe, R. 1953. Săpăturile de la Poienesti din anul 1949. *Materiale și cercetări arheologice privind istoria veche a României* I. București, 213—506.
- Vulpe, R. 1955. Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. *Nouvelles études d'histoire* 1. București, 103—119.
- Woźniak, Z. 1974. *Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
- Woźniak, Z. 2013. The Middle of the 1st Millennium. The Role of Celts and Jastorf Culture in Cultural and Ethnic Changes in the Lands of Poland in the Latter Half of the 1st Millennium BC. In Woźniak, Z., Grygiel, M., Machajewski, H., Michałowski, A. *The Jastorf Culture in Poland.* BAR IS (2579). Oxford: Hadrian Books Ltd, 5—22.

Статья поступила в сборник 18 июня 2022 г.

Alexandr Drobushovski (Saint Petersburg, Russian Federation). Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences¹.

Дробушевский Александр Иванович (Санкт-Петербург, Россия). Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: adrobush@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7397-2594

Address: ¹ Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АДГУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження на Україні. Київ.
АИАПМЗ	— Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України, Полтава.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург.
АЭМК	— Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БГУ	— Белорусский государственный университет. Минск.
БСЭ ²	— Большая советская энциклопедия, 2-е издание. 51 т. Москва: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1950—1960.
БФ	— благотворительный фонд.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГИАМЗ ХТ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМВ	— Государственный Музей Востока. Москва.
ГМЗ	— государственный музей-заповедник.
ГУ	— государственный университет.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК КФУ	— Институт археологии Крыма Крымского федерального университета. Симферополь.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Академии Наук.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИЭ	— Советская историческая энциклопедия. 16 т. Москва.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІКЗ «Більськ»	— Историко-культурный заповідник «Більськ». Котельва.
КГИАМЗ	— Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник. Краснодар.
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии. Курск.
кол. вкл.	— кольорова вклейка.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИАУ	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург.
КСТ	— Культовое святилище Таракташ.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КФ ІА НАНУ	— Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
ЛО ІА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград.
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МФТИ	— Московский физико-технический институт. Москва.
НА ІА НАНУ	— Научный архив Института археологии НАН Украины. Киев.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

НАН	— Национальная Академия наук.
НАО	— Научное археологическое общество.
НАО	— научно-архивный отдел.
НИЦИАК КФУ	— Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета. Симферополь.
ОАК	— Отчет Императорской Археологической Комиссии. Санкт-Петербург.
ОКН	— объект культурного наследия.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СУАР	— Синьцзян-Уйгурский автономный район.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
ТНИИЯЛИ	— Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл.
ТОВ	— Товариство з обмеженою відповідальністю.
ХАЭЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ХГУ	— Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦАИ БФ	— Центр археологических исследований Благотворительного фонда.
ЦП НАНУ і УТОПІК	— Центр пам'яткознавства Національної академії наук України і Українського Товариства охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЮНЦ	— Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону.
BAR	— British Archaeological Reports. Oxford.
BAR IS	— British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
DictMidAges	— Strayer J. (ed.). Dictionary of the Middle Ages. NY: Charles Scribner's Sons, 1982—1989. Vol. 1—13.
DNP	— Cancik H., Schneider H., Egger B., Derlien J. und andere (Hrsg.). Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike. 16 Bände (in 19 Teilbänden sowie 6 Supplementbänden). Stuttgart/Weimar: Metzler, 1996—2010.
KIP	— Ziegler K., Sontheimer W. (Hrg.): Der Kleine Pauly, Lexikon der Antike (in 5 Bänden) auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter. München: dtv, 1979.
LAW	— Lexikon der alten Welt. Zürich, Stuttgart: Artemis, 1965.
LexMA	— Lexikon des Mittelalters. 10 Bände. Artemis, München/Zürich/Lachen am Zürichsee). 1977—1999; Neudruck (in 9 Bänden): Stuttgart/Weimar 1999.
ODByz	— Kazhdan A. (ed.) The Oxford Dictionary of Byzantium. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. 3 vol.
RE	— Ziegler K. (Hrsg.): Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neubearbeitung, begonnen von G. Wissowa, fortgeführt von W. Groll und K. Mittelhaus. Stuttgart 1894—1963 (1. Reihe I—XXIX), 1914—1972 (2. Reihe I—X) und 1912—1978 (Supplementbände), Register von H. Gärtner und A. Wünsch. München 1980.
RGA	— Jankuhn H., Beck H., Kuhn H., Ranke K., Wenskus R. (Hrsg.). Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 35 Bände. Berlin; New York: De Gruyter, 1968—2007.
RGZM	— Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz.
SH	— The State Hermitage museum. Saint Petersburg.
SMP TC	— The State museum-preserve "Tauric Chersonesus". Sevastopol.
UMCS	— Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin.